

попaдaнeц

Андрей Никонов

ШОФЕР

Попаданец (АСТ)

Андрей Никонов

Шофёр

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Никонов А.

Шофёр / А. Никонов — «Издательство АСТ»,
2024 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-161959-6

Москва, 1925 год. Время, когда рабочий в месяц получал 40 граммов чистого золота, частная торговля процветала, на набережной Кремля отдыхали нудисты, девушки делали кудряшки а-ля Мэри Пикфорд, голливудские звёзды останавливались в гостинице «Савой», а в городе появились первые таксомоторы. Сергей Травин, представитель сугубо гражданской профессии, не догадывается, что скоро судьба бросит его на борьбу с преступностью.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-161959-6

© Никонов А., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Никонов

Управдом: Шофёр

Все персонажи и их имена, а также события, географические названия, детали быта, мест, технических устройств и методов работы правоохранительных органов в произведении вымышлены, любые совпадения, в том числе с реальными людьми, случайны. Мнения, суждения и политические взгляды автора и героев книги никак не связаны.

Пролог

6 августа 1918 года, Казань

По всему городу взметались клубы дыма, пыли и кирпичной крошки – войска народной армии под командованием подполковника Каппеля и капитана Степанова обстреливали Казань. Трёхдюймовые снаряды доставали до окраин города, по центру и северо-западу били 105-миллиметровые пушки Шнейдера. Две батареи, отбитые у красных, стояли в Верхнем Услоне, на господствующей над городом высоте, и с лёгкостью доставали до любого участка, занятого отрядами красноармейцев, – в Казани оставались части первой латышской дивизии, рабоче-крестьянские дружины и татарско-башкирское ополчение.

Здание Казанского отделения Народного банка ощутимо потряхивало. Вместе со стенами тряслись решетчатые двери, сваренные по системе берлинской фирмы «Понцер», и охраняемая ими кладовая, в которой лежали золотые монеты и слитки общим весом в двадцать тысяч пудов, отдельно от них в мешках и сундуках были свалены конфискованные у эксплуататоров драгоценности, пачки бумажных ассигнаций, ценные бумаги, мешки с медной монетой и слитки серебра. Ценностей набралось почти на миллиард царских рублей. Из Москвы пришло распоряжение – вывезти ценности по Волге, но оно запоздало, к этому времени флотилия мичмана Генриха Майера частью потопила, частью захватила теплоходы Красной армии, а район порта простреливался. Вагонами ценности увезти тоже возможности не было – железнодорожные пути были взорваны белочехами. Помощник наркома финансов Сергей Измайлов получил указание от командующего фронтом Иоакима Вацетиса, дождавшись темноты, отослать всё, что получится, в Арск, что в пятидесяти километрах от Казани.

Отделение банка охранял латышский батальон имени Карла Маркса, его бойцы носились по городу в поисках автомобильного транспорта, к семи часам вечера удалось найти четыре грузовые машины и одну легковую. Потные стрелки в холщовых рубашках таскали тяжёлые ящики с золотыми слитками, вылетевшие из коробок ассигнации и облигации втапывались в грязь. Удалось погрузить шестьсот пудов золота, легковой автомобиль набили кредитными билетами на сто семьдесят миллионов царских рублей, и колонна выдвинулась на северо-восток. Управляющий отделением Марьин обрывал телеграф, требуя ещё машин, но ему их никто не выделял. Наконец, в половину одиннадцатого вечера, подсвечивая себе дорогу фарами и разгоняя редких прохожих клаксоном, к банку подкатил открытый «форд-Т» без номеров, за рулём сидел невысокий человек с усиками и в кожанке, он спрыгнул на землю, закурил, подошёл к постовому.

– Товарищ Судрабс здесь?

Тот помотал головой. Никакого товарища Судрабса он не знал, и вообще, по-русски латышский стрелок и понимал, и говорил с трудом.

– Из ВЧК? – уточнил усатый.

– Вам кого, товарищ? – возле них остановился Измайлов.

– Савельев, штаб рабоче-крестьянских отрядов, – представился человек в кожанке, – ищу вот, значит, товарища Яна Судрабса. Велено отдать документы.

И он кивнул на машину, на заднем сиденье которой лежала коробка.

– Что за документы? – строго спросил Измайлов.

– Знать не знаю, сказали только мне, как хошь отыщи товарища Судрабса и отдай, значит, ему лично в руки эти очень важные бумаги, которые он здесь, то есть там, позабыл.

Помощник комиссара раздраженно пожал плечами. Он не спал уже, наверное, третьи сутки, только что чуть было не застрелил начальника охраны банка и соображал плохо.

– Товарищ Судрабс сейчас в штабе пятой армии в Поратском затоне, – сказал он. – Но вы туда не пробьётесь напрямую, дорога перекрыта белочехами.

– И что же мне делать? – Савельев огорчился. – Меня же, товарищ, доверием облекли, чтобы, так сказать, передать из рук в руки. Эх...

– Совсем они там с ума посходили, из-за одной коробки машину гонять, – Измайлов потёр и так красные глаза, – вот что, товарищ Савельев, поскольку задание вы выполнить не можете, машину я вашу конфискую, а документы сам передам.

– Как так? – оторопел усатый. – Что же это делается, а, товарищи господа хорошие? Нет, никак я не могу вам казённую машину отдать, непорядок это.

– Ладно, стой здесь, – распорядился помощник комиссара, спорить ему не хотелось.

Он ушёл, усатый вздохнул, выбросил окурок, достал пачку папирос, одну протянул латышскому стрелку, тот засунул наган за пояс и с удовольствием прикурил. У усатого были не какие-то там самокрутки из горлодёра, а настоящий бельгийский табачок. Постовой плохо понимал Савельева, тот – солдата, но они разговорились, мешая русский язык с латышским.

– Такие дела, браток, куда ни кинь, всюду клин, – подытожил усатый, – куда-то твой начальник задевался, чую, дадут мне по шапке. Начальству ведь плевать с колокольни, обстоятельства или нет.

Измайлов появился через несколько минут в сопровождении четырёх латышей, тащивших небольшие, но судя по их напряжённым лицам, очень тяжёлые ящики.

– Вот что, – сказал он, – раз не хочешь машину отдавать, поедешь в Арск, а оттуда уже по кругу в Паратск вместе с конвоем. Одного я тебя не отпущу, дам сопровождение. Грузите.

Стрелки сгрузили ящички на заднее сиденье автомобиля, ушли и вернулись с новой порцией. Рессоры ощутимо просели, Савельев с досадой пнул по колесу.

– Тут вам, товарищ, грузовик нужен.

– Сам знаю, – раздражённо отозвался Измайлов, – что вам, товарищ Ладыгин?

Старший кассир отделения, суетливый толстячок в жилетке и галстук, выскочивший из-за двери, отмахнулся от помощника наркома, сунул Савельеву в руки химический карандаш и заставил расписаться на нескольких страницах.

– Беспорядок, – приговаривал он, переворачивая листы, – всё должно быть оформлено, товарищ Измайлов, заранее, а не на бегу. Я поставлю вопрос перед товарищем Гуковским. Ценности немаленькие, четыреста восемьдесят тысяч золотых рублей.

– Да хоть перед Троцким вопрос свой ставьте, – Измайлов сплюнул, – вы двое, в машину, и чтобы глаз не спускать. А я сейчас телеграфирую, вас в Арске встретят. Поторапливайтесь, полночь скоро, и вообще, беспокойно здесь.

Словно в подтверждение его слов, неподалёку снаряд попал в двухэтажный дом, отчего кирпичная кладка брызнула и по стене побежали трещины. Савельев чертыхнулся, уселся за руль, один из стрелков примостился рядом, а второй – прямо на ящиках, и машина тронулась, подсвечивая себе путь. Дороги во многих местах зияли рытвинами, шофёр крутил руль, стараясь их объехать, машину раскачивало так, что боец, сидящий сзади, чуть было не вылетел наружу. Наконец автомобиль выскочил на Арскую дорогу, прибавил ходу. Минут через пятнадцать «форд» проехал Малые Дербышки и за окраиной притормозил.

– Всё, приехали, – стукнул кулаком по рулевому колесу Савельев, – нагрузили, значит, черти, какой же рессор выдержит.

– Что произошло? – с сильным акцентом спросил стрелок, держа наган наготове.

– Рессора, етить. Ты что, не слышишь? – шофёр выскочил из машины, попинал колесо. – Вона скрипит, зараза, не доедем, лопнет вот-вот. Надо приподнять, подложить. Давай помогай.

И он схватился за низ кузова. Стрелок, что сидел на коробках, поколебался, но устройства автомобиля он не знал и о его ремонте представления не имел, поэтому поверил водителю. Он слез, засунул наган в карман, тоже схватился руками за кузов, поднатужился, присел. Савельев быстрыми короткими движениями несколько раз ударил его в шею ножом, латыш захрипел, схватился за раны рукой, открыл рот, чтобы позвать на помощь, но сил не хватило. Он бессильно повалился на бок, из-под пальцев струйками стекала кровь. Его товарищ, сидящий в машине, привстал, чтобы рассмотреть, что творится, из-за его спины появилась рука, чиркнула стрелка лезвием по горлу, ещё две руки выдернули красноармейца из кабины на землю.

– С уловом, чай? – произнёс голос из темноты. – Что-то вид у добычи скромный.

– Всё, что смог, – сказал Савельев, – точнее, сколько влезло, они, зараза такая, тяжёлые, грузовик надо было искать, а не этот тарантас. Остальной караван в Арск поехал, в банке много осталось, но отряды учредительного собрания будут там через час-полтора, и с нами не поделятся.

– Конвой мы видели, – в свете фонарей показалась бородатая физиономия, – уж больно охрана у них сурьёзная, маловато нас для такого веселья.

Шофёр меж тем достал из-под сиденья ломик, поддел крышку ящика, подсветил ручным фонарём. Внутри, завернутые в пергамент, лежали царские монеты. Он довольно крикнул, вернулся за руль. Место латышского стрелка занял бородатый, ещё двое встали на подножки, и машина тронулась. Весу немного прибавилось, Савельев вёл осторожно, километров через пять после деревни он свернул направо и по разъезженной телегами дороге через поле добрался до заброшенного хутора.

– Здесь нас никто не потревожит. Отдохнём до утра, – сказал один из стоящих на подножке, – а там тронемся. Выгружайте.

Тяжелые, по три с лишним пуда, ящики занесли в комнату, запалили лучины и свечи. Подручных у Савельева было трое, один, который с бородой – в унтер-офицерской форме, и двое в крестьянских армяках. Несмотря на одежду, держались они прямо и с достоинством и выглядели совсем не крестьянами.

– Пересчитать бы надо, – сказал бородатый.

– Мне банковский служащий бумагу дал, – Савельев достал расписку из кармана, поднёс к огню. – Четыреста восемьдесят тысяч золотых рублей в имперiales. Это...

– Тридцать две тысячи монет по два золотника и почти семьдесят долей, – без запинки сказал один из налётчиков, с чёрной повязкой на левом глазу, – триста семьдесят два килограмма, как говорят французы, чистого золота. Или двадцать три с небольшим пуда.

– Благодарю, граф, вы как всегда точны. Отличная добыча, господа, каждому достанется по восемь тысяч монет. Завтра надо двинуться дальше, без транспорта нам до Харбина не добраться, машина груз вместе с людьми не потянет, и так на пределе ехал. Придётся часть зарыть здесь или найти второй экипаж, что в нынешних поганных условиях затруднительно.

– Ты хочешь рой, хочешь не рой, а я как-нибудь сам разберусь, с золотишком и в России неплохо можно прожить, особенно когда настоящая власть возвернётся, – сказал среднего роста мужчина с уродливым шрамом на левой щеке, тянувшимся от уголка глаза до подбородка. – Как до Ново-Никольской слободы доберёмся, там разделимся, до этого вместе будем держаться. Сделаем две ходки, раз груз тяжёлый. Так?

Грабитель с повязкой и бородатый кивнули.

– Возражений не имею, Герман. Раз учредительное собрание проголосовало, так тому и быть, – рассмеялся Савельев, – а теперь, друзья мои, это дело надо вспрыснуть, я мимо лавки винной проезжал, так туда, представьте, бомба попала, дверь вышибла, приказчики разбежались как тараканы. И подумалось мне, чего бы это стесняться, представляете, зашёл на удачу, а там шлосс рислинг стоит с медалью. К нему ещё сыра взял головку и пакет орехов в меду, остальным побрезговал, уж больно пыльное.

Сказав это, он сходил к машине, достал из-под пассажирского сиденья котомку, а оттуда, вернувшись, вино и закуску. Бородатый довольно кивнул, отковырял сургуч, сделал несколько мощных глотков, протянул бутылку товарищу, тот, отпив – другому, и под конец вино, которого оставалось совсем немного, дошло до Савельева.

– Вы как знаете, а я без закуски не могу, – заявил тот, нарезая перочинным ножом круг прямо пахнущего сыра на толстые ломти, – да и вы, господа, ешьте. Тут по-простому, без поли-тесов.

Бородатый потянулся за куском, пошатнулся и свалился на пол, в уголке рта появилась пена, лицо его исказила судорога, пальцы скребли по полу, обдираясь в кровь. Двое его товарищей недоумённо переглянулись, наконец один из них, который со шрамом, что-то сообразил, полез за пистолетом, но не дотянулся. Не успел, тоже упал, а за ним и третий.

Савельев некоторое время смотрел на валяющиеся тела, убедившись, что его приятели перестали дёргаться, поднял с пола револьвер, прицелился, вздохнул.

– Не буду грех на душу брать, может, очнутся или сами помрут, кто знает, что там аптекарь подложил, – сказал он и пнул ближайший ящик, – дьявольщина, мне же всё это обратно укладывать.

Ящики Савельев поднимал с трудом, на второй ходке на лбу выступила испарина, а когда нёс пятый – пот струился по лицу. Перед тем, как забрать последнюю упаковку золотых монет, он проверил пульс у подельников, те были живы.

– Я же не совсем сволочь, – произнёс грабитель с сомнением, – да и не найти им меня. А всё маман виновата, воспитала хорошего честного мальчика.

Он оставил последний ящик открытым рядом с телами, через пять минут машина отъехала от ворот и, раскачиваясь, направилась в сторону мощёной дороги.

Первым очнулся мужчина со шрамом, уже светало, через запylённые стёкла пытались проникнуть летние лучи солнца, разгоняя висящую в воздухе пыль. Мужчина закашлялся, встал на четвереньки, его вырвало. Мотая головой, он кое-как поднялся, окинул взглядом комнату. Некоторое время пытался понять, что же изменилось, потом отметил пропажу семи ящиков и одного подельника, выругался, дрожащими пальцами развернул пергамент, мимо ящика посыпались империялы. В этот момент заворочался ещё один грабитель, он натужно закашлялся, держась за горло.

Человек со шрамом не стал тратить время на переговоры со своей совестью, подобрался к очнувшемуся одноглазому товарищу, схватил его за волосы и перерезал горло ножом. То же самое он проделал с бородатым, стянул с одного из подельников штаны, завязал внизу узлом, перекидал туда упакованные столбики монет и пошаркал в сторону леса, волоча груз за собой.

Глава 1

Июль 1925 года. Москва

Автомобильный извоз в Москве к середине двадцатых годов оставался делом исключительно частным. По всему городу расплодились прокатные конторы, редко – крупные, гораздо чаще с тремя-четырьмя машинами, растущие потребности жителей в современном транспорте они удовлетворить не могли. Столица по-прежнему была городом извозчиков, которые стекались в город из окрестных губерний.

В 1924 году первые восемнадцать автомобилей австрийской марки «штайр» закупил для проката государственный трест Автопромторг, а в следующем, 1925-м, Московский совет приобрёл во Франции сто двадцать машин «рено». Пятнадцать французских кабриолетов прибыли в столицу в мае 1925 года, следующая партия ожидалась в октябре – декабре. Под их обслуживание выделили гараж номер четыре, который находился в Дьяковских переулках, напротив Домниковских бань, рядом с Каланчёвской площадью, соединявшей три вокзала – Октябрьский, Рязанский и Ярославский.

Гараж занимал целый комплекс зданий, с собственным складом, ремонтной зоной и прокатной конторой в Орликовом переулке. Помещения давали с запасом, молодое советское правительство рассчитывало довести численность государственных таксомоторов в Москве до тысячи, а то и больше.

– Сажаю я у Малого театра женщину, в шляпке и с сумочкой, так эта фифа нате вам пожалуйста, в шарф закуталась и в окно смотрит, слова не говорит. Только адрес назвала, на Воздвиженке, в прокурорском доме, где всяческие артисты живут. Доехали мы, я ей и говорю, значит, барышня, доставил вас без шума и пыли... – невысокий молодой парень в кожаной куртке с комсомольским значком, тощий, с прилизанными назад чёрными волосами, сделал не к месту эффектную паузу. – Выхожу и небрежно так открываю дверцу, мол, пора бы уже и покинуть салон, она мне деньги в руку тычет, а там рупь двадцать всего, точно по счётчику. Я так и эдак, не изволите ли добавить на чай, и она говорит, вы, то есть я, не желаете ли подняться ко мне в квартиру и там уже чаю отведать.

– Ну а ты? – один из слушателей, пожилой мужчина, стряхнул с плеча рассказчика невидимую пылинку.

– А чего раздумывать, ать-два, и уже у неё. Женщина, доложу вам, исключительных достоинств, фигура такая, что дух захватывает, красавица – не описать, ну вы же понимаете, артистка. Только вошли, толкнула меня на диван, прыг на колени, руками за шею обвила и говорит, мол, оставайтесь, брошу этот театр и буду вам борщи варить, только поманите, потому как я от вас без ума, вы, Семён, мой идеал...

– Враль ты, а не идеал, – пожилой кладовщик усмехнулся, – как же, пойдёт кто с тобой.

– Вот те крест, Пахом Кузьмич, – молодой поднял руку, но вовремя себя одёрнул, зажёл спичку, раскуривая папиросу, – не хочешь, не верь.

– И вправду, Кузьмич, пусть балакает, авось не помрём от этого, – поддержали рассказчика остальные.

Кузьмич махнул рукой, потянулся за пачкой папирос и тут же затолкал её обратно в карман.

– Шухер, кажись, начгар идёт.

Окурки тут же полетели в ведро с песком, круг слушателей распался, каждый заспешил к своему рабочему месту. Почти сразу же застучали молотки, отбивая болты, заскрипело прикипевшее колесо, заскрежетал металл, у окошка кладовщика выстроилась небольшая очередь с нарядами и актами. Семён Пыжиков остался в одиночестве.

Начальник гаража Алексей Семёнович Коробейников на должность был назначен недавно, перейдя из отдела благоустройства Москомхоза, и первые пятнадцать городских таксомоторов, прибывших весной этого года из Франции, были для него той ещё головной болью. Отдельной головной болью были шоферы; людей, способных освоить новую технику, было предостаточно, а вот желающих работать на ней и в стужу, и в палящий зной за твёрдый оклад и днём, и ночью – раз-два и обчёлся.

Каждую машину обслуживали три водителя, сменами по одиннадцать часов, с обеденным перерывом и часом на регламентные работы – замену масла, долив бензина, подкачку баллонов и прочее. Первая смена начиналась в девять утра и заканчивалась в восемь вечера, а через час за руль садился другой водитель. Вечерняя смена считалась самой выгодной, там клиент был жирный и щедрый, одно дело из кабака в половине третьего на рысаке, и другое – на модном таксомоторе с жёлтой полосой.

– Где твой сменщик? – Коробейников в это утро был зол и неприветлив, но руку Пыжикову пожал.

– А мне откуда знать, – Семён аккуратно затушил недокуренную папиросу. – Мне он не отчитывается. Моя смена через сорок минут начинается, по правилам час обслуживания предусмотрен. Так что, Алексей Семёныч, я в девять нуль-нуль у диспетчерской буду как штык, а дальше уже не моя забота.

– Как появится, ко мне, – начальник посмотрел на окурки, вздохнул и поспешил к себе в кабинет.

Пыжиков злорадно осклабился, своего сменщика Сергея Травина он не любил, было за что.

Держался этот Травин с начгаром вась-вась, потому и отписывали ему бензин, шины и прочее без очереди. Поговаривали, что у Коробейникова кто-то из родни в Гражданскую вместе с ним воевал, сам Пыжиков в это время в силу юного возраста мирными делами занят был, но считал, что бывшие заслуги никаких преимуществ давать не должны. А ещё Травин на самокате блестящем ездил производства итальянской фирмы «Леньяно», дорогое, не иначе как с нэпманов три шкуры за проезд драл и контроля не боялся.

Пыжиков встал так, чтобы не пропустить появление сменщика, что было делом нетрудным – ростом Сергей был под два метра, телосложением походил на борца цирка, такую громадину даже в тусклом свете, падающем через грязные стёкла и закопчённые колбы ламп, разглядеть не составляло труда. Поэтому, когда тяжёлая рука опустилась на его плечо, шофёра чуть кондратий не хватил.

– Чтоб тебя, Серёга, – он едва поймал руками окурки, чудом не испортив куртку, и обжёг пальцы. – Где ты так подбираться наострился, шпийн хренов. Опять опоздал, когда машина готова будет?

– Какой-то ты нервный сегодня, Пыжиков, – Травин развернул Семёна, продолжая держать его за плечо, – машину вон, Лаптев готовит, глаза разуй.

И действительно, «рено» стоял в ремзоне, техник маслёнкой загонял в колесо смазку. И тут Травин обходил Пыжикова, давал техникам каждую неделю пятёрку сверху, те и рады были стараться. Семён сплюнул, что со сволочи взять.

– Тебя Коробейников искал, злой как чёрт, – мстительно сказал он. – За опоздание вставит тебе по первое число.

– Да я уж вижу, вон Сима бежит, – равнодушно сказал Сергей.

Действительно, машинистка из гаражного управления, Серафима Олейник, симпатичная кареглазая брюнетка лет тридцати, искала именно его. И это было ещё одной вопиющей несправедливостью, на молодого и здорового комсомольца Пыжикова Сима не обращала никакого внимания, а на контуженного на всю голову беспартийного Травина чуть ли не вешалась.

– Алексей Семёнович вызывают, что ты опять натворил? – Серафима говорила быстро, чуть картавя, и двигалась так же стремительно.

– Раз вызывают, идём, – Сергей не торопясь пошёл за Симой.

– Опять с Пыжиковым поцапался?

– Есть такое дело. И за что он меня не любит, я ведь со всей душой...

Машинистка была девушкой миниатюрной, и Травин быстро её обогнал.

– Ты зря с Семёном связался, он тот ещё кляузник, хоть и комсомолец, напишет жалобу прямо заведующему подотдела Гантшеру. Да постой ты, дылда, дай дух перевести.

– Что, Коробейников рвёт и мечет? – Травин не остановился, но шаг замедлил.

– Красный весь, наверное, опять с женой поцапался.

– Ну вот скажи, почему я из-за его жены должен страдать, – они остановились перед дверью с бронзовой табличкой. – Красный, говоришь?

Сима кивнула, пытаясь отдышаться, Травин толкнул створку и зашёл в кабинет начальника. Коробейников сидел за столом и с тоской смотрел на почти пустую пачку папирос, врачи велели бросить это пагубное для здоровья увлечение, но работа не позволяла. Наваленные по всей поверхности бумаги были припорошены пеплом.

– Садись, Серёжа. Что же мне с тобой делать, а? Месяц как шоферишь, и уже четыре жалобы, – начальник гаража легонько стукнул ладонью по столешнице. – Ты мне скажи, где твоя пролетарская сознательность?

– От пассажиров кто приходил? Или контролёры?

– Нет, этого не было. Свои обижаются, вон Пыжиков того и гляди донос сочинит. А Сидоркин? Сколько ты его будешь доставать?

– Это который инвалид империалистической и водку на рабочем месте глушит?

– Ты мне ваньку не валяй! Знаешь, об ком речь.

– Так ты, Семёныч, сам рассуди, мне колесо было нужно срочно, а этот гад сидит, чавкает, из стакана рыковку отхлёбывает, смотрит свысока, ну я его слегка и приструнил. Он кладовщик или где?

– Приструнил? – Коробейников аж привстал со стула, краснота мигом вернулась на щёки. – Да он потом по стенке ходил неделю, а в твою сторону даже взглянуть боится до сих пор. В профсоюзную ячейку на трёх листах роман бульварный настрочил почище Жорж Санд.

– Но с тех пор ведь не жалуется?

– Так, значит, считаешь, если Сидоркина доконал, то и других можно? А работать у меня кто будет? Я тут начальник, – начальник долбанул кулаком по столу, – и я решаю, кого и как воспитывать.

– Уволюсь к чёртовой матери, – пообещал Травин. – Уйду обратно в мастерские, на прежнее место завскладом. Там мне сейчас зарплату больше обещают, и уважение, и комнату в новом доме со всеми коммунальными удобствами. Свирского, который на меня хотел недостачи списывать, посадили, сволочь такую, за растрату, так что не жизнь меня там ждёт, а малина.

– Кривonos, гад, никак не уймётся, – начальник гаража скрипнул зубами, – Мулькина переманил, теперь за тебя взялся. Что, так бросишь всё и уйдёшь?

– Алексей Семёныч, ну а что делать-то? Я тут по ночам из-за баранки не вылезаю, план даю, а днём на склад за запчастями в своё личное время езжу и не жалуюсь, а на меня кляузы сочиняют. Причём ладно бы техники там, или прокатчики, так Сидоркин с дружками-собутельниками и теперь этот Пыжиков. Вот второй сменщик, Пасечник, мы с ним отлично ладим. Если опаздываю, или он позже приезжает, просто сидим и ждём, всё лучше, чем по жаре рассекать.

– Ладно, – Коробейников примирительно поднял ладони, – но ты и меня пойми, хороший шофер к нэпману бежит в частный гараж, там ему вдвое, а то и втрое против нашего дадут

заработать, или напрокат машину берёт и сам себе хозяин. А Пыжиков, как ни крути, водитель неплохой, за машиной кое-как следит, а что характер паскудный, так ведь тебе с ним не жить и детей не крестить.

– Это верно. Ну что, я скажу, что ты мне всё высказал, я осознал и исправлюсь. Ты меня на другую машину передвинь, глядишь, и успокоится Пыжиков. А я перед ним извинюсь, поговорю по душам, по-пролетарски.

– Только попробуй! Чтобы не смел его пальцем тронуть, а то не посмотрю, какой ты замечательный, выгоню. Как из отпуска выйдешь, сделаем, как ты сказал – Попашенко на твоё место передвину, а тебя в четвёртую линию. Но про Автопромторг забудь, у меня и так вас тютелька в тютельку, заболеет кто, и простой у машины образуется. Уговор?

– Уговор, – Травин пожал протянутую руку и вышел из начальственного кабинета.

– Ну как? – Сима оторвалась от «ремингтона». – Уволил?

– Почти. Сказал, что я на волосок, и если бы не ты, то точно выгнал взашей, – Травин вытащил из кармана коробку монпансье фабрики имени Петра Бабаева. – Вот, держи, от моего сердца твоему.

Сима зарделась, убрала конфеты в ящик стола, а потом мечтательно смотрела на дверь, за которой скрылся шофёр.

Опоздал Сергей не просто так, клиент попался аж под самый конец смены, и где – совсем рядом с гаражом.

Каланчёвская площадь затихала только под утро, и то ненадолго. Стоило последнему трамваю исчезнуть, как к грузовым путям станции Октябрьской дороги выстраивались вереницы гужевых повозок, забиравших прибывшие в Москву товары. Пассажирские поезда прибывали к вокзалам круглосуточно, выплёвывая толпы людей с котомками, чемоданами и коробками. Образцовые столовые и привокзальные рестораны работали до рассвета, сытые и пьяные посетители только часа в три-четыре разъезжались по домам.

Вереница автомобилей стояла на стороне Рязанского вокзала, водители выглядывали публику позажиточнее. Частных такси было совсем немного, пять или шесть, москомхозовских – два, остальные водители справедливо решили, что гоняться за редким клиентом куда накладнее, чем хорошенько выспаться. Утренний пассажир считался прижимистым, и, как правило, был с багажом. С этим у таксомоторов были проблемы – багажного отделения как такового не предусматривалось, и вещи ставили прямо в салон или подвешивали снаружи. Хорошо если один человек прибыл, а как семья, то в машину такие не полезут, выберут извозчиков, у них и ломовые повозки имеются, и в обычных места побольше.

Травин подъехал к вокзалам утром в начале восьмого, когда уже начали ходить трамваи. До этого поколесил по центру города, подхватывая пассажиров по дороге у мест отдыха или ожидая на стоянках на площади Свердлова или на Столешниковом, среди рестораций и дорогих магазинов, там нэпман на нэпмане сидел. Но к утру клиентов почти не оставалось, на Каланчёвку он заехал на всякий случай, от трёх вокзалов рукой было подать до таксопарка. Неожиданно для середины июля похолодало, ночью при дыхании пар валил изо рта, а под утро выпала роса.

– Эй, бегом сюда, – позвал Сергей мальчишку, торговавшего сдобой и горячим сбитнем.

Тот подкатил тележку, передал в открытое окно три больших пирога с требухой и грибами, забрал кружку.

– Рупь и пятак, – маленький торговец налил исходящий паром и пахнувший мёдом и травами напиток.

– Ты не оборзел ли, шкет? Ещё на прошлой неделе дешевле на гривенник было.

– Такие цены, дядя, место людное, опять же ночи студёные пошли, – мальчишка забрал деньги и поспешил к другим покупателям.

Сергей только вздохнул. На рубль можно было неплохо не только позавтракать, а ещё пообедать и поужинать, вокзальные цены сбивали с ног. Но торговля у разносчиков шла бойко, малой прямо на глазах Травина распродал всё извозчикам и со всех ног побежал за новым товаром, волоча тележку за собой.

Пока Сергей ел, со стороны Октябрьского вокзала повалила толпа приезжих. Здесь народ был более-менее приличный, в основном из бывшей столицы или приграничных областей, извозчики отъезжали один за другим, таксомоторы придирчиво осматривались и тоже кое-как разбирались. Молодой человек стоял в самом конце очереди и надеялся, что до него пассажиры не доберутся.

Третий пирог доест Травину не дали, в окошко набалдашником тросточки постучал неожиданный клиент.

– Браток, до «Европейской» сколько будет стоить проезд?

Мужчина лет сорока, с усиками и модной бородкой клинышком, в шляпе и с тросточкой, не дожидаясь ответа, залез в машину и устроился на переднем сиденье. С собой у пассажира был небольшой кожаный саквояж с серебряной пряжкой. Сергей прикинул, развернуться на площади, потом проехать сотню метров по Домниковской, выходило меньше километра.

– Восемьдесят копеек, – сказал он, – да вы, гражданин, не бойтесь, у нас контора государственная, вон, счётчик уже четыре гривенника за посадку отсчитал, так что обмануть никак не получится.

– Совсем задаром, – удивился пассажир, – извозчики в центр города трёшку просят.

– Какой центр? «Европейская» здесь, на Домниковке, пешком быстрее дойти, – Травин усмехнулся. – Или вам в ту, что на Волхонке, надо? В самый центр?

– В неё, – мужчина нетерпеливо кивнул. – В самую что ни на есть лучшую.

– «Европейская» на Волхонке по высшему классу, только там за валюту и для иностранцев, – предупредил Сергей, нажимая рычаг газа, – но раз вы решили, поехали.

– Эй, погоди, – пассажир всполошился, – какие иностранцы? Ты мне баки не забивай, поясни.

– Их две, гостиницы, и обе «Европейские», – Травин пропустил извозчика, потом шестой трамвай и развернулся к площадке возле Октябрьского вокзала. – Одна здесь, второй категории, на Дубниковке в двадцать седьмом доме, а вторая на Волхонке, она к Бюро по иностранцам относится. Там посольские живут и коммерсанты заграничные.

– Тьфу, – усатый сплюнул, – вот и слушай других. Скажи, браток, а какие есть, чтобы первого разряда, я, понимаешь сам, человек серьёзный и не могу селиться в клоповнике.

– Первого? – Сергей задумался. Пассажир был одет с шиком, да и набалдашник у трости выглядел недёшево. – «Балчуг» есть, он же «Новомосковская», это на набережной, там ещё меблированные комнаты сдаются, потом «Астория» в Долгоруковском переулке, она же улица Белинского, и «Дом Востока» на Старой площади, здание ОГПУ неподалёку.

– В «Дом Востока» не хочу, куда ближе?

– Да и так, и эдак километров пять выйдет.

– Тогда давай в «Асторию», – клиент снял шляпу, обнаружив полное отсутствие волос, над правым ухом белел шрам. – Название нравится. В Петрограде тоже такая есть.

Травин кивнул, двинул рычаг переключения газа, нажал на педаль сцепления, «рено» чихнул сизым дымом и медленно тронулся, пропуская тридцать пятый трамвай, потом, набрав скорость, выехал на Каланчёвскую улицу, с неё – на Мясницкую, следом в Театральный проезд и сразу после поворота на Тверскую повернул на Белинского. Там, в бывшем доходном доме Л. А. Постниковой, располагалась бывшая же гостиница «Астория», которая теперь называлась «Пассаж».

– Два сорок, – сказал Сергей, заехав во двор.

– Ну уж дудки, – пассажир достал пачку денег, вытащил оттуда червонец, – бери, бери, без сдачи. Другой бы обманул, покрутил по городу, а ты молодец, не подвёл. Ну и я человек не бедный, чтобы жмотничать. Лицо мне твоё знакомо, скажи, мы с тобой раньше не встречались? В Петрограде, например?

– Не припомню, по стране меня помотало, но в Петрограде ни разу не был, – Сергей покачал головой.

– Значит, показалось. Бывай, браток.

Травин подождал, когда за клиентом закроется тяжёлая дубовая дверь с медными заклёпками и кованой ручкой, выжал педаль заднего хода. Пассажира звали Николай Леопольдович Гизингер, и он приходился Сергею двоюродным дядей. Молодой человек поморщился, любое воспоминание о жизни до контузии вызывало острейший приступ головной боли.

Глава 2

Декабрь 1922 года. Москва, Психиатрическая больница № 1

– Нуте-с, товарищ, – председатель подкомиссии Вильгельм Громбах переглянулся с директором клиники Зайцевым, – для начала расскажите, кто вы и на что жалуетесь.

Сергей сидел на стуле посреди большой комнаты, а перед ним, за длинным столом, расположились четверо врачей в белых халатах и женщина в мужском военном френче. Все они смотрели на него с интересом.

– А что тут рассказывать, зовут меня Сергей Олегович Травин, родился в Сальмисском уезде в тысяча восемьсот девяносто девятом году, закончил реальное училище в Выборге, из крестьян. До революции работал на железной дороге обходчиком, а как финны захватили город, уехал в Петрозаводск. Воевал на Карельском фронте, после контузии лечился в четвёртом военном госпитале, который раньше нервной клиникой Соловьёва был, потом ещё долечивался в Бахрушинской больнице, ну а после сюда попал. Лечит меня доктор Зайцев Александр Минович от головных болей и диссоциативного расстройства личности. От расстройства он меня излечил, а приступы головной боли остались, резкие, никакими лекарствами не снимаются, даже морфием, проходят сами через непродолжительное время.

Члены врачебной комиссии переглянулись. Обычно такие мероприятия проходили в здании кинотеатра «Орион», что на Преображенской площади, но для душевнобольных делали исключение, собираясь по месту излечения от болезни. Этот больной ну никак сумасшедшим не выглядел, вёл себя скромно, но не зажато, на вопросы отвечал чётко и по делу, сложные слова и медицинские термины без ошибок произносил. К тому же его лечащий врач, Зайцев, признанный авторитет в психиатрии, уверял, что у Травина наступила стойкая ремиссия.

– Значит, вы именно тот, как сейчас сказали, а не некий Евгений Должанский, одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года рождения, воспитанник детского дома в выдуманной капиталистической России, и не перенесли сюда чудом из двадцать первого века?

– Нет, – Травин покрутил головой, поморщился. – То есть да, я Сергей Травин, а не тот, другой. И ни в каком двадцать первом веке я не был, что за чушь.

– Ну что тут сказать, – Громбах повертел карандаш, – отратно, что вы, молодой человек, это осознаёте и признаёте. Доктор Зайцев утверждает, что лечение прошло успешно, и все эти фантазии из вас ушли. Ушли ведь?

– Да.

– Но фантомные, как мы их называем, боли – они никуда не делись, так? Из-за травматического раздвоения личности вы, молодой человек, таким образом подавляли свою, так сказать, вторую ложную сущность, она хоть и исчезла, но эту гадость за собой оставила в виде приступов мигрени, которая, к сожалению, лечению не поддаётся. Однако мысли свои излагаете связно, вон даже слова умные сказали без запинки, поведение адекватное, на прохожих не бросаетесь и в припадках не бьётесь, я тоже не вижу причин продолжать процедуры. Кем работаете?

– Здесь, в больнице, подсобным рабочим. В основном таскаю, что попросят.

– Это, конечно, хорошо, физический труд на пользу идёт, – Громбах привстал, опершись руками на стол, – вот только вас, товарищ, наши советские врачи буквально с того света вытащили. Сосуды у вас были ни к чёрту, лёгкие газом сожжены, сердце с перебоями работало, если сейчас всё в относительном порядке, нет никаких резонов, что в дальнейшем это не скажется.

– Советская наука существование другого света отрицает, равно как и чертей, – женщина в военном френче постучала карандашом по столу. – Вильгельм Арнольдович, прошу ближе к теме.

– Конечно, Евгения Соломоновна, – председатель поморщился, опустил обратно в кресло, – уж извините, никаких серьёзных тяжестей, молодой человек. Придерживайтесь режима дня и питания, со временем всё пройдёт. Лекарства доктор Зайцев вам выписал, принимайте по необходимости, они хоть и не спасут, но состояние облегчат.

– Как насчёт моей просьбы? – Сергей насупился.

– Вынуждены вам отказать, – развёл руками Громбах, – ментальное здоровье у вас, может, и поправилось, а вот физическое – вызывает сомнения. Так что к службе в армии вы непригодны, уж извините, и значит, обучаться в военной академии Красной армии тоже не можете. Что скажете, товарищ Коган?

– Полностью согласна, – кивнула женщина. – Дадим рекомендацию в профсоюз городского коммунального хозяйства, пусть вам подыщут работу. Вы, товарищ Травин, человек образованный, реальное училище окончили, нашему молодому советскому государству специалисты ох как нужны не только на фронте.

Июль 1925 года. Москва

В гостинице постоялец записался как Николай Ковров и снял номер на третьем этаже. Большую комнату разгородили на две, в одной разместили спальню, а в другой – небольшую гостиную из двух кресел, козетки и стеклянного столика. Гость столицы сразу прошёл в помещение с кроватью и принялся разбирать вещи, вытаскивая их из саквояжа. С собой у него было несколько накрахмаленных рубашек с воротничками, атласный жилет, запасной галстук, три пары носков и пачка носовых платков, все они отправились в комод красного дерева. Следом появился длинный кожаный пенал, в каких обычно хранят браслетки или кольцо, только в этом лежали монеты, десять штук, от самой маленькой – полкопейки, до рубля серебром. Ковров прокатал каждую из них между пальцами сначала правой, потом левой руки, закрыл пенал и убрал в ящик комода. Рядом кинул запечатанную колоду карт. Последними из саквояжа были извлечены карманный браунинг модели 1906 года и почти полная коробка патронов. Николай выщелкнул обойму, оставил в ней три патрона, остальные убрал в коробку. В ванной открутил два болта, держащих вентиляционную решётку, завернул оружие и патроны в полотенце, спрятал. Достал из кармана пиджака пачку червонцев, бросил на кровать, из-под фальшивого дна саквояжа достал ещё одну пачку, здесь были банкноты по три червонца, двести сорок штук. Их он убрал к пистолету, прикрутил болты обратно.

Ночной поезд изрядно выматывал, так что первым делом Ковров принял ванну и лёг спать. Проснувшись в начале первого, он спустился вниз, к стойке, продиктовал телефонистке пять цифр.

– Раечка, солнце моё, я в Москве, – сказал он, дождавшись, когда поднимут трубку на том конце провода. – Заселился в «Пассаже», что на Белинского. Жду нашей встречи с нетерпением.

– В четыре дня в шляпном магазине на Никольской, угол Богоявленского, – ответили ему.

– Непременно, – Николай повесил трубку, подмигнул служащему гостиницы. – Скажи-ка, браток, где здесь можно побриться и освежиться? А заодно и пообедать?

– Да вот, в трёх шагах заведение братьев Грушевых, – тот получил полтинник, услужливо распахнул дверь, – пожалуйста сразу налево, через дом, там же и чайная имеется.

До четырёх Коврову делать было совершенно нечего, он подровнял усики и бородку, освежился одеколоном «Шипр», на лёгкую пообедал расстегаем с рыбой и куриным бульоном, посмотрел за полтинник серебром новую немецкую картину «Ню» в кинотеатре «Модерн», который расположился во Втором доме Советов, и без пяти минут четыре стоял на углу Никольской и Богоявленского, рядом с торговыми палатами. На то, чтобы выкурить папиросу, как раз пять минут и ушло, золотые стрелки на карманном брегете выставились ровно на двенадцать и четыре. Николай толкнул дверь магазина шляпной артели, зашёл внутрь. Несмотря на рабочий день, здесь было многолюдно, дамы выбирали шляпки, мужчины – шапки из пыжика

и бобра; и те, и другие к процессу относились серьёзно, выстраивая на прилавке целые ряды из подобранных, но ещё не одобренных изделий. Ковров примерил одно из изделий Мехтреста, но взять не решился, вышел наружу. Следом появилась женщина лет тридцати в шерстяном пальто и шапочке, среднего роста, с узкими губами и носом с горбинкой.

– За мной, – тихо сказала она, прижавшись к Николаю; ломовая повозка, ехавшая по переулку, теснила людей к стенам.

Женщина не торопясь пошла по направлению к старому Гостиному двору, обронив перчатку, не успел Ковров её подхватить, она уже свернула в арку, и Николай догнал её у самого подъезда.

Квартира на третьем этаже выходила окнами на переулок, две комнаты были закрыты, в третьей за столом сидел мужчина средних лет, с усиками и в пенсне. Рядом с ним стояла пепельница, полная окурков.

– Наконец-то, – сказал он недовольно. – Как добрались?

– Замечательно, – Ковров достал пачку червонцев, из середины – оторванную половину банкноты и протянул мужчине.

Тот достал из ящика стола вторую половину, приложил, тщательно проверил каждую точку линии разрыва и номера. Результат его удовлетворил, женщина, стоящая позади Николая, убрала пистолет в сумочку.

– Чисто, – сказала она, – никто не следил.

– Неужто были сомнения? – Ковров усмехнулся. – А мы ведь с вами, товарищ Райнис, виделись как-то в Сестрорецке в лечебном санатории, и память у вас тогда была ой как хороша, особенно на деньги.

– Таковы правила, – Райнис недовольно поморщился. – Значит, вы в «Пассаже» заселились? Хорошее место, из дорогих, да-с. В Ленинграде вас в курс дела ввели?

– И не подумали, Станислав Адамович сказал только, что дело архиважное и по моему, так сказать, предпочтению.

– Это он поторопился, но дело и правда непростое, нужен хороший специалист, вроде вас, и со стороны – местные все на виду. Смотрите, – мужчина выложил на стол фотографию, на которой запечатлели пожилого мужчину с большим носом и тонкими усиками над полными губами, глаза навывкате казались большими через очки в тонкой оправе. – Борух Менделевич Гершин, правда, откликается на имя Борис Михайлович, а кличка у него Шпуля.

– Сурьёзный товарищ, глазом прямо сверлит, – Ковров небрежно взял карточку, вскользь рассмотрел. – Вижу в первый раз.

– Шпуля – человек интеллигентный, предпочитает спекуляцию, лично мокрыми делами не занимается и долги не выбивает. Для этого у него есть напарник, Герман Осипович Радкевич, по прозвищу Лихой. – Райнис достал второе фото, размытое, с него смотрел человек средних лет, с рельефным лицом и шрамом на левой щеке.

– И с этим не знаком. Но в Ленинграде про мокрые дела речи не шло, и с товарищем Мессингом мы об этом не договаривались, так что я на них не пойду, моя профессия чистая.

– От вас этого никто не требует, – успокоил его Райнис, – тут другие обстоятельства в наличии. Шпуля ещё до революции занимался мелкими аферами и у охраны на карандаше был, а как разруха да голод пошли, на этом наживаться начал. Теперь он приличный коммерсант, держит торговую артель, закупает текстильный товар в Закавказье и здесь продает, а обратно везёт продукцию московских трестов. По сути, занимается контрабандой, граница там дырявая, вот и тащат сюда из Персии всё, что пользуется спросом. Размах операций небольшой, как был мелким воришкой, так и остался, да и прижать мы его в любой момент можем, вот только на мелочи смысла нет.

– Теперь, как я понимаю, повод появился?

Райнис тяжело вздохнул, протёр пенсне, достал папиросу, прикурил от зажигалки. Делал он это не торопясь, словно собираясь с мыслями.

– Да, – наконец сказал он, расстелил карту, ткнул карандашом северо-восточнее трёх вокзалов. – Начну, так сказать, издалека. Преображенское, район старый, но окраинный. Вот здесь, в ресторане Звездиных, Гершин арендовал флигель. На первом этаже в одном крыле конторы всякие, которые перебрасывают бумаги от одной к другой, чтобы фининспекторов запутать, а в другом – квартиры якобы внаём сдаются, а на самом деле для всяких тёмных дел используются. Вход у флигеля свой, а рядом с ним проход в подвал, владельцы ресторана игорный дом там открыли, Шпуля иногда крупные суммы просиживает.

– Неплохо, – Ковров довольно улыбнулся, – на этом мы и сойдёмся. Загляну к ним на днях, в картишки перекинусь с вашим другом.

– Даже и не думайте, – хозяин разволновался, – товарищ Мессинг предупреждал, что вы игрок, но туда не лезьте, дело провалите. Шпуля – человек хоть и азартный, но осторожный, лишнее внимание ни к чему.

– Неужели такое дело крупное?

Райнис переглянулся с женщиной, кивнул.

– Был у Шпули кореш, Самуил Бронштейн по прозвищу Корявый, вор серьёзный и авторитетный, золотишком приторговывал и камушками. Так он Шпуле клиента привёл за долю, когда жареное почуял, а в камере, как его повязали, проговорился, что клиент этот из Гохрана, и ценности оттуда сворованы.

– Только это и сказал? Что за клиент, молчит?

– Прикончили Корявого, удавили в камере в первую же ночь, и допросить мы его не можем. Ладно бы камушки были из припрятанных всякими недобитками, а тут вопрос политический, народное добро утекает. Гершин об этом знает и боится, но уж очень кусок жирный, заглотив он его.

– Камушки – товар рисковый, как бы не прогореть, подсунуть что угодно могут, – заметил Ковров.

– Верно. Здесь он ювелира не возьмёт, в Москве оценщики наперечёт, уголовный розыск их всех срисовал, поэтому связываться с ворованным государственным имуществом побоятся, ну а если не побоятся, то шепнут кому надо, и Шпулю на ноль помножат, а товар заберут.

– Как есть, – гость кивнул, – значит, ему свой человечек знающий нужен.

– Такой человечек у него есть, и Шпуля его из Одессы вызвал, но мы его взяли, точнее не мы, а уголовный розыск, и он сейчас в камере им песни поёт про свою тяжкую судьбу, так что ситуация у Шпули безвыходная, денег-то хочется, а время утекает. Тут мы вас и подсунем. Репутация у вас есть соответствующая, если справки наведёт, в Петрограде ему подскажут, что вы надёжный человек.

– Ещё какой, – Ковров рассмеялся, – хорошо, выйдет на меня этот Шпуля или человек его, оценку сделать, а я вам списочек и наводку на схрон, так?

– Так.

– Только на этот раз оплата будет повыше, риск большой, как-никак, высшая мера им светит, наверняка бандиты это понимают и со стукачами церемониться не будут. Двадцатую долю возьму.

– Да я тебя, – Райнис сжал кулаки, грохнул ими по столу, – в порошок! Долю он захотел, барыга поганый. Скажи спасибо, что глаза на твои делишки закрываем.

– Как скажешь, гражданин начальник, – Ковров поднялся, – на нет и суда нет, но за идею работать не желаю. В партии сроду не вступал, меня громкими словами не возьмешь, лозунги свои побереги для рабочих и крестьян.

– А ну сядь, – чекист впериł в гостя тяжёлый взгляд. – Не стоворимся, и пойдёшь ты, гражданин барон Гизингер, по верхней черте, пятнадцать лет лагерей, как контрреволюцион-

ный элемент, а то и высшую меру социальной справедливости получишь. Или, думаешь, мы все твои грешки забыли?

– За что под монастырь ведёшь, начальник? – Николай уселся обратно, положил ногу на ногу, он ничуть не испугался.

– Это ты у прокурора спросишь, как мы все твои делишки подыдем и ему отдадим. Выбирать раньше надо было, когда секретным агентом быть соглашался, а теперь что особый отдел прикажет, то и будешь делать. А то строит он тут из себя курсистку, это ему не по нраву, подавай другое.

– Ладно, сороковую, но меньше никак, – Ковров пригладил лысину. – Погорячился, с кем не бывает. У нас с товарищем Мессингом уговор, не вижу причин, почему бы и здесь его не соблюдать. Вы посудите, товарищ Райнис, я ведь по лезвию ножа хожу, одно слово или косой взгляд, и поднимут меня на пику, вон, хотя бы Лихой. А работаю я честно, ничего не утаиваю, да и что там могли утащить, тысяч на двести от силы? Да даже если на четыреста, тысячу червонцев заработаю, остальное государству вернётся. Опять же, крысу в Гохране поймаете, а это какая экономия.

– Ладно, – Райнис кивнул, – сговорились.

– Почти. Расскажите мне, господин хороший, как я к этому Шпуле попаду, коли мне с ним в картишки перекинуться нельзя?

Чекист усмехнулся.

– Знакомся, – кивнул он на женщину, которая всё это время стояла возле окна и смотрела на улицу, словно её разговор не касался, – твоя троюродная сестра Светлана Ильинична Мальцева, модистка, хозяйка швейного салона, обшивает нэпманских жён, а по совместительству – фармазонщица и спекулянтка. Со Шпулей у неё дела есть торговые, и не только. Ты к ней вроде как погостить приехал, присмотреться, лавку модную открыть ну и делишки свои проворачивать, а уж она кому надо обмолвится. Как вещички в руках поддержишь, сразу нам сообщи, дальше мы уж сами.

– Понял. Вещички увижу, сразу стукну. А как вы меня вместе со всеми повяжете, сбегу.

– За границу, к друзьям своим, которым ты миллионы должен? Скатертью дорога. Мы им об этом сообщим обязательно, чтобы ждали и встретили.

– Не доверяете мне, – обиделся Ковров.

– Не доверяю, – согласился Райнис, – работа у меня такая. Ты, товарищ Ковров, сделай что просят, а дальше уже посмотрим. Особо хочу тебя о секретности предупредить, об этом деле никто знать не должен, а вдруг что изменится, Светлана Ильинична тебе скажет, связь только через неё.

– Шпуля – человек трусливый, но умный, на откровенный обвес не поведётся, – Светлана отвлеклась от московского пейзажа, уселась на угол стола, обнажив ногу до колена, – и он не из блатных, а вот подельник его, Радкевич, из жиганов. Правда, за советскую власть воевал, и даже наградные часы имеет, и происхождение своё заявляет из рабочих, но белогвардейской сволочью от него за версту несёт. А про остальное я тебе на днях расскажу, чтобы расклад знал.

– С нетерпением жду, – Николай улыбнулся, встал.

Райнис махнул рукой, выпроваживая посетителя. Ковров вышел первым, Мальцева – спустя двадцать минут, когда гостя столицы и след простыл. Хозяин комнат посидел ещё немного, докурил пачку папирос, поднялся, неловко опрокинув пепельницу на стол. Дело велось секретно-оперативным управлением ОГПУ, и в Москве знали о нём, кроме Райниса и Мальцевой, только начальник этого управления Артузов и глава московской милиции Цыруль. Если насчёт этих ответственных товарищей у Райниса сомнений не было, то белогвардейский недобиток Ковров-Гизингер вызывал определённые опасения.

* * *

– Лекарь приходил, – Анна Пахомова, квартирная хозяйка Травина, поджала губы. – Говорит, ещё сиделка нужна, а я, видишь, не могу, сама вон по чужим домам бегаю, копейку зарабатываю. Лекарства прописал на восемь целковых, прям даже не знаю, как быть.

– Сам сколько взял, трёшку?

– Пятёрку. Говорит, надо хотя бы раз в неделю осматривать. Золотой человек Семён Петрович, другой бы драл в три шкуры, а этот совесть имеет, ещё и лекарства с собой приносит, в аптеках-то всё дорого. С соседской дочкой я договорилась, она за полтину будет по вечерам у нас сидеть, девка крепкая, и помоеет, если надо, и ведро вынесет. Ну а уколы – это уж мы сами. Сходи, проведай его, а то тоскует.

Сергей кивнул, достал портмоне, отдал Пахомовой пять бумажек с лежебоками.

Он поселился здесь совершенно случайно полтора года назад, когда искал жильё. Москва постепенно уплотнялась, места для понаехавших становилось всё меньше, старые дома разрушались и становились непригодными для проживания, а новые имелись пока что только в фантазиях городского начальства. Большие квартиры превращали в коммуналки, подселяя к хозяевам совершенно посторонних людей, но комнат на всех всё равно не хватало. Для тех, кто хотел относительного комфорта, оставался частный сектор, где с коммунальными удобствами было нехорошо, а с пространством для жизни – получше.

И Травину, считай, повезло: в только что открывшихся торговых рядах возле Кремля он встретил Дмитрия Пахомова, бывшего денщика штабс-капитана Травина, который, увидев бывшего воспитанника, тут же зазвал его к себе. Пахомовы жили в большом пятистенке в московском районе Сокольники, неподалёку от тюрьмы, Дмитрий занимался поденщиной, а Нюра, его сестра, подрабатывала прислугой. В жилой части дома были три комнаты, дядя Митяй, как его звал Сергей, готов был потесниться, лишь бы сынок штабс-капитана жил под боком. Нынешний Травин тёплых чувств к воспитателю юного Сергея особо не испытывал, лишь по прорывавшимся изредка воспоминаниям знал, что человеком Дмитрий был порядочным, к Серёже Травину относился хорошо. К тому же армейское братство – не пустой звук для тех, кто служил, и молодой человек не стал Пахомова разочаровывать. Переехал, как только смог.

Уплотнять Пахомовых Травин не хотел, правда, был просторный чердак, но жить там можно было только летом. Решение, тем не менее, нашлось. В смежном помещении, сложенном из таких же брёвен, хозяева держали всякую рухлядь. В итоге старые вещи отправились в сарай, холодную часть Сергей с дядей Митяем за два месяца подправили, утеплили, настелили полы и потолок, вставили окна, засыпали стены опилками и разделили перегородками, благо подотдел благоустройства, где Травин тогда работал, выделял материалы от пришедшего в негодность старого жилфонда. В доме появились просторная кухня и ещё две комнаты, в одну из которых, ту, что побольше, Сергей и заселился. Денег с него хозяева брать не хотели, хоть Травин и готов был платить.

– Даже и не сумлевайся, – сказал Пахомов на возражения молодого человека, – от нас не убудет. О деньгах не думай, чтобы я с тебя хоть копейку взял, да лучше сразу придуши, ты ж мне как родной сын. Будешь жить как у Христа за пазухой, мы, чай, не пообедем и за тобой приглядим.

Сергей старался в долг не жить, ремонтировал дом, перестилал крышу, даже водопровод сделал из железного бака, занесённого на чердак, с работы притащил допотопный электрический насос, который с гудением качал воду из колодца, просаживая напряжение во всей округе.

Вторую комнату, поменьше, Пахомовы сдали, в ней поселился пожилой мужчина, нелюдимый и тихий, по имени Василий Федякин. Федякин работал слесарем на заводе электроприборов и мог открыть любой замок. Возможно, он как раз этим занимался в свободное время,

но милиция к нему не навевывалась, барыги – тоже, платил за комнату он всегда вовремя, исправно и по договорённости, а не по расценкам жилконторы. Правда, иногда сильно поддавал, но даже в таком состоянии не шумел и компаний не приводил.

В зиму двадцать пятого Пахомов простудился, заболел и быстро превратился из румяного жизнерадостного человека в высохшую развалину. Работать он больше не мог, Травин хозяйке отдавал каждый месяц двадцать рублей, та брала, настрого запретив говорить об этом своему брату. К двум червонцам прибавлялись расходы на врача из исправдома и на лекарства, а теперь и на сиделку.

– Ты представь, дядя Митяй, кого я встретил сегодня, – сказал Сергей, зайдя к больному в комнату. – Ни за что не угадаешь.

Пахомов сидел в кресле, глядя в окно и сжимая подлокотники. Боли в животе и груди то стихали, то возвращались с новой силой. При виде бывшего воспитанника он оживился.

– А ну-ка, кого?

– Дядю Николая.

Сергей постарался говорить о родственнике как о незнакомом человеке, так, как советовал доктор Зайцев. Резкая боль, стреляющая в голове при любом воспоминании о событиях до контузии, нахлынула и прошла мимо.

– Это барона Гизингера, что ли? – мужчина нахмурился. – Вот уж батюшка твой не любил его, и за дело. Никудышный человек Николай Леопольдович, сам увязнет и других за собой утянет. Узнал тебя?

– Думаю, да. Но виду не подал.

– Значит, опять свои делишки проворачивает, – Пахомов сплюнул, – ох и паскудный тип, уж как он у тётушки твоей, Варвары Львовны, выманил бумаги ценные да закладную на имение. Ты-то тогда совсем мальцом был, не помнишь, ведь проиграл, подлец, всё подчистую. А казну полковую растратил аккурат перед восстанием, да. Повезло ему, что большевики к власти пришли, грешки старые спустили. Денег попросит – не давай. Опять колоть?

Травин набрал в шприц смесь морфия с лекарством, кивнул.

– Поспишь немного.

Он взял руку больного, постучал по выступающей вене пальцем и ловко воткнул иглу.

– Спасибо, Серёжа, что не бросаешь, – мужчина дёрнул глазом, стараясь спрятать выступившую слезу, – Нюрка-то тянет с тебя? Если что, скажи сразу, я ей покажу, паскуде. Со своих тянуть – последнее дело, вот батюшка твой, царствие ему небесное, никогда...

Пахомов говорил всё тише и на последних словах засопел, уронив голову на грудь. Сергей вышел из комнаты.

– Спит? – спросила Нюра. – Ну и хорошо. Побежала я, музыкант небось заждался.

Глава 3

Дом номер семь по 10-й Сокольнической улице стоял в глубине старорежимной застройки, загораживающей его от извозчиков, трамваев и редких автомобилей. Местное жилтоварищество давно уже грозилось избу снести и выдать жильцу отличную комнату в одном из новых современных зданий, возводимых на Стромынке, с водоснабжением, просторной общей кухней и даже канализацией, но всё никак не могло изыскать фонды. Жильца нерасторопность жилтоварищества вполне устраивала, в коммунальную квартиру он переезжать не хотел.

В доме, помимо двух комнат, была небольшая кухня и просторные сени, удобства находились во дворе, там же стояла бочка, которую водовоз наполнял за серебряную полтину, а дождь – бесплатно. Наниматель, Лев Иосифович Пилявский, представительный мужчина лет пятидесяти, невысокого роста, с торчащими в стороны от обширной лысины седыми волосами и внушительным носом, вооружённым толстыми роговыми очками, принимал учеников у себя в кабинете – большой комнате с окном, толстым ковром на полу и керосиновым освещением. Он сидел в кресле, сложив руки на объемном животе, напротив него девочка старательно водила смычком по струнам. Нюра Пахомова только что вернулась из лавки и выкладывала продукты на кухонный стол.

– Наденька, золотце моё, отдохни минутку, – Пилявский погладил ученицу по голове, забрал у домработницы сдачу и тщательно пересчитал, сверяясь с тетрадкой. – Что, приказчик опять не отпустил по нормальной цене топлёное масло?

– Господь с вами, Лев Иосифыч, – Нюра к скаредности хозяина успела привыкнуть, – и так хорошая цена, шесть гривенников за фунт, куда уж дешевле. Вы вона сколько с детишек берёте, да ещё в консистории жалованье плотют, а всё жмётесь, как будто на паперти стоите.

– На паперти, милочка, поболее моего получают, – Лев Иосифович тщательно проверил вес и количество продуктов, отрезал кружочек кровяной колбасы, понюхал с подозрительным видом, пожевал, для виду скривился. – Ладно, идите уже до пятницы. И чтобы не опаздывать.

– Да уж пойду.

Нюра уткнулась взглядом в переносицу Пилявского, тот попыхтел, но три рубля отсчитал, добавил ещё два рубля за стирку, отдал женщине свёрток с грязным бельём, выпроводил её из сеней и закрыл дверь. Золотце Наденька поиграла ещё с четверть часа, оставила полтора рубля и убежала. Пилявский не торопясь поужинал пирогами с капустой и наваристыми щами на мозговой кости, сложил посуду в таз и прикрыл полотенцем. Потом, скорее по привычке, пересчитал серебряные ложечки и фарфоровые чашки.

Больше двух учеников в день он не брал, мерзкие дети выматывали всю душу, насилуя беззащитный инструмент и издеваясь над учителем. Самым противным был мальчик лет двенадцати, которого он взял на позапрошлой неделе, этот приходил уже третий раз, в девять вечера, вместе с матерью. Она садилась на стул в углу комнаты и с благоговением смотрела на своего бездарного отпрыска. Перед первым занятием Пилявский заломил три рубля и подумывал увеличить плату до пяти – мелкий гадёныш не мог ни одной ноты сыграть правильно, способностей к музыке у него не было никаких совершенно. К тому же он ещё и косил левым глазом, и когда играл, глядя на струны скрипки, казалось, прямо на Пилявского таращился.

– Эмма Арнольдовна, счастлив видеть, – он распахнул входную дверь в четверть десятого, эта семейка всегда опаздывала. – А вы, юноша, мигом в мой кабинет, инструмент вас заждался.

Эмма, невзрачная женщина средних лет, благодарно кивнула, уселась на стул в углу, её сынок схватил скрипку, словно биту для лапты, и противно закрипел смычком. Пилявскому очень хотелось оглохнуть, у мальчика явно проглядывали садистские наклонности. К счастью, через десять минут в дверь постучали, на время прервав пытку.

– Ой, – мама юного таланта подняла голову, – Лев Иосифович, это мой муж. Он так хотел посмотреть на Жоржика. Жоржик, это папа пришёл тобой восхищаться.

Пилявский поморщился. Муж Эммы Арнольдовны, по её словам, был ответственным работником наркомата просвещения и мечтал видеть сына великим композитором. Лев Иосифович совершенно не желал этого знакомства.

– Уже иду, – он изобразил слащавую улыбку, отпирая замок и отодвигая задвижку.

В сени, толкнув Пилявского в грудь, молча зашёл худой мужчина среднего роста с офицерскими усами и в пальто, на щеке его виднелся уродливый шрам. Следом за ним в дом прошли ещё двое, в кожаных куртках, оба крепко сбитые и невысокие, похожие друг на друга словно братья. У одного из них ухо было изломано.

– Позвольте, вы кто? – Пилявский посмотрел на Эмму, та как ни в чём не бывало сидела на стуле, ссутулив спину и уткнувшись взглядом в окно. – Что себе ваш муж позволяет? Почему вы безобразничаете, товарищ?

– Ты смотри, артист, прям шапито представляет, – усатый встал посреди кабинета, заложив руки за спину, один из его подручных занял место у окна, второй – у двери. – Обождите-ка нас на кухне.

Эмма послушно встала, Жоржик швырнул скрипку на пол так, что та треснула, ткнул Пилявского смычком в живот.

– Нажрал пузо, лишенец, ничего, сейчас сдристнешь чутка, – малец мерзко хихикнул и вышел вслед за матерью.

– Что всё это значит? – Пилявский вздёрнул подбородок вверх. – Как вы смеете, я профессор филармонии. Сейчас же вызываю милицию.

Один из незваных гостей, караулящий у двери, подошёл сзади и пнул хозяина дома под коленки, а когда тот шлёпнулся на пол, приставил к горлу нож. Усатый с кривой улыбочкой осматривал кабинет, даже зачем-то пощупал ковёр.

– Бедно живёшь, скрипач, я уж думал, давно хоромы выстроили. Где Станислав? – наконец спросил он.

– Так вам брат мой нужен? Он умер четыре года назад.

– Вот значит, как, откинулся, гнида, а я поначалу думал, всё, сбежал пан Пилявский за границу с концами, плакали мои денежки, но потом кой-какой след нашёл, и по всей России его ищу уже несколько лет. Точно помер? А то ведь проверю.

– Да кто вы такие? На Немецком кладбище лежит, на четвёртом участке, хоть сейчас езжайте смотреть.

– И ничего не передавал для друзей своих? Деньги, к примеру?

– Какие ещё деньги? Если это ограбление, то возьмите в столе, и уходите, – Пилявский был напуган, но хорохорился и старался своего страха не показать.

Усатый кивнул, гость в кожанке споро обшарил ящики стола, нашёл в прикрытом фанерной потайном отделении тощую пачку денег, пересчитал.

– Тридцать два червонца с мелочью, – доложил он.

– Большая сумма, не один день копил, – усатый подошёл поближе к Пилявскому и резко ударил того ногой в живот. – Куда твой брат золотишко девал, падла?

Хозяин дома открыл рот, хватая воздух, и тут же получил удар в ухо, потом его вздёрнули наверх и начали избивать, заткнув рот старым вонючим носком. Подручные усатого били умело, заставляя учителя музыки выть и извиваться, но до потери сознания не доводили.

– Оставьте его пока, – распорядился главарь через несколько минут, подошёл почти вплотную, схватил Пилявского за волосы, запрокинул голову, остриём ножа вытащил носок изо рта. – Ты уж припомни, скрипач, куда что он положил. Времени у нас много, а у тебя совсем мало. Что молчишь, рожа интеллигентская?

– Обделался он, – доложил один из подручных, – эй, гляди, глаза закатил, не ровён час помрёт.

– Так вы с ним поаккуратнее, – усатый засунул носок обратно, надрезал Пилявскому кожу возле глаза, подцепил кончиком лезвия. – Бережно.

* * *

Тридцатое отделение милиции располагалось рядом с пожарной частью в бывшем Сокольническом полицейском доме, построенном архитектором Геппнером, и охраняло население дачного московского района от бандитов, воров и прочих несознательных элементов. По сравнению с соседними, двадцать девятым, обслуживающим вокзалы на Каланчёвской площади, и тридцать шестым, охраняющим покой жителей Преображенки и села Черкизово, у тридцатого была своя специфика – на его территории располагался Сокольнический парк с его тропинками, аллеями, дачными домами, местами отдыха, воровскими малинами и бандитскими притонами, переходящий дальше – в Погонный Лосиный остров. Здесь преступный элемент чувствовал себя привольно, милиционеры при всём желании не могли охватить все тропки своим вниманием, сил оставалось только на основные просеки и центральный круг. Зато в остальном район был спокойный – тут хватало и больниц, и заводов, частный сектор был небольшой, не то что в Черкизово, а рабочий люд селился по каменным домам. В жилой застройке громких преступлений было немного, если и проявлял себя криминальный контингент, то скорее по мелочи. Барыги, проститутки, несколько злых мест с азартными играми и кокаинистами, всех их наперечёт в отделении знали.

Преступления совершались в основном на бытовой почве, то сожитель даму своего сердца до смерти побьёт, то бельё своруют или лавку обнесут на Остроумовских, до смертоубийства доходило редко. Но уж если доходило, для этого в отделении работал подотдел уголовного розыска во главе с субинспектором Наумом Мироновичем Пановым.

– Заходи, – Панов затушил очередную папиросу, поманил агента второго разряда Трофима Шмалько, заглянувшего в кабинет, – новость слышал курьёзную?

– Смотря какую, – Шмалько аккуратно положил папку на стол, устроился напротив, поёрзал на жёстком стуле.

– Да вот сегодня аккурат с утра милиционер Зильберман из первого отделения козу у задержанного реквизирует и решил продать. Так этот умник не придумал ничего лучше, как на Драгомиловский рынок на трамвае поехать, а когда вагоновожатый пускать его отказался, начал буянить, достал служебное оружие и пригрозил кондуктора застрелить. Тут его, голубчика, и повязали, отвели под конвоем в отделение, а теперь решают, что с ним дальше делать. Коза сначала трамвай загадила, потом всё отделение, так что, наверное, погонят из милиции их обоих. Ладно, что нового в деле Пилявского?

– Ничего, ходил к следователю, – сказал агент, отсмеявшись и вытерев выступившие слёзы, – ругается, говорит, плохо работаем, раз никого найти не можем.

– Пусть он сам свою задницу поднимет и поищет, – разозлился Панов, – а то не вылезает из кабинета. Что я ему, за три дня на поводке мокрушников приведу, чтоб его?

Лев Иосифович Пилявский помер в своей квартире, предположительно вечером среды, 16 июля. Его домработница, Анна Степановна Пахомова, прибежала в отделение только в пятницу с утра. Кто-то рылся в доме, да так, что половицы вскрыл, стены, где обои неплотно прилегали, порушил и мебель изломал. На место выехал, а точнее – вышел, наряд милиции, который нашёл хозяина дома на кухне со следами побоев, порезами, вытекшим правым глазом и уже остывшего.

На первый взгляд произошло убийство, все обстоятельства на это указывали, но врач из больницы имени доктора Остроумова определил, помимо примерного времени смерти, и

причину – обширный инфаркт миокарда, что, учитывая возраст покойного и его телосложение, могло и от естественных обстоятельств произойти. Что именно произошло в доме на 10-й Сокольнической, предстояло выяснить следователю Введенскому. У следователя таких дел по Третьему московскому району были десятки, в каждое приходилось вникать и докладывать в губернский суд и губпрокурору. Поэтому Введенский ограничился коротким осмотром места происшествия и допросом домработницы, а остальную работу скинул на отдел милиции, точнее, на уголовный розыск.

Агенты МУУРа осмотрели дом, на земле под полом обнаружили две золотые монеты времён самодержавия достоинством 15 рублей каждая, чеканки 1897 года, но монеты эти могли быть спрятаны прежними владельцами, которые в революцию стигнули. Дактилоскопист Федорчук отыскал чужие отпечатки, они могли быть чьи угодно, в картотеке схожих не обнаружилось.

Домработница рассказала следователю, что в день смерти Пилявский давал два урока, первая ученица ещё оставалась в комнате, когда сама домработница отправилась домой, к вечеру должен был появиться ещё один ученик, у которого якобы отец работал в Наркомпросе. Оперативно проверяли дела работников комиссариата, но, по мнению следователя, след был ложным.

Дело так бы и отложили в долгий ящик, ожидая, что что-то всплывёт, а потом бы закрыли за отсутствием подозреваемых, но сестра Пилявского, Ядвига Иосифовна Лацис, ответственный работник Главлита и член партии с 1912 года, сама приехала в тридцать третье отделение и грозила Введенскому всеми революционными карами и личным револьвером. Яков Григорьевич от такого напора стушевался, револьвер у гражданки Лацис отобрал и отправил её к инспектору уголовного розыска Хлебникову, который пообещал, что смертью гражданина Пилявского займётся самый опытный сыщик. Этим опытным сыщиком был назначен субинспектор Панов.

– Ты хоть что-нибудь найди, – сказал ему Хлебников по телефону, когда гражданка Лацис уехала, – нет, надо ведь было этому Пилявскому в нашем районе помереть, как будто других мест в Москве не осталось.

Панов был с ним полностью согласен, потому как вместо подозреваемых имел короткий список тех, кто мог хоть что-то знать.

Первое, Анна Пахомова – по опыту субинспектора, домработницы часто расправлялись со своими хозяевами, чтобы прибрать к рукам их имущество, но имущества у умершего не было. Панов на первый раз с ней разговаривать не стал, поручил это Шмалько.

Второе, гражданка Лацис. Следователь Ядвигу Иосифовну опросил, но под дулом револьвера сделал это очень быстро и без деталей. Панов тоже не очень-то хотел с ней общаться и из списка свидетелей пока вычеркнул.

И третье, у покойного была племянница, дочь его брата Станислава, Елена Кольцова.

– Точно не врёт прислуга? – субинспектор натужно закашлялся, прижал кулак к груди, сильно надавил другой рукой, заставляя боль на время отступить. – Может, она или кто из её знакомых причастен? А то всё это распутывать, сам понимаешь, ни времени, ни средств нет.

– Да уж я с ней говорил, толку никакого, – Трофим поднялся. – Живёт в частном доме на улице Матросской Тишины, вместе с братом, инвалидом империалистической войны, тот совсем плох и никуда не выходит. Ещё жильцы у неё есть. Один, Василий Федякин, в возрасте, слесарь на ламповом заводе, я к ним в заводоуправление заходил, хвалят его. А другой, Травин Сергей, тот здоровяк, силач, я бы сказал, работает в гараже горкоммунхоза, что рядом с Каланчёвкой, и с Пахомовой дружит, по хозяйству ей помогает. Пахомова говорит, что интереса Травин к Пилявскому не проявлял, и знакомы они не были.

– Жильцы, значит? – Панов оживился. – С хозяйкой, говоришь, и силач? Вот что, братец, а давай-ка ты этого Травина и племянницу покойника, Кольцову, ко мне, но не сегодня, а

скажем, послезавтра, в среду. Я с ними сам побеседую по душам, а там уж решим, стоит их к следователю отправлять или нет. Где, ты говоришь, они работают?

– Травин в гараже, а Кольцова учится, в университете.

– Вот и хорошо, позвони и вызови их. Только вежливо, они не бандиты какие, а советские граждане с полезной для нас информацией.

– Ух вы и завернули, Наум Мироныч. Как есть сделаю, а сейчас, позвольте, пойду? На Егерской, где налёт был на артельщиков, у пацана соседского милиционеры портсигар ворованный отобрали и отрез шерстяной, говорит, в мусоре копался и там вытащил. Прижать его надо хорошенько, наверняка знает что.

– Вези его сюда вместе с вещдоками, – Панов расписался на папке, – а это отдай Маше, пусть запечатает сургучом и отошлёт Введенскому. Может, и вправду Пилявский сам помер, всякое в жизни случается.

Глава 4

Ковров стоял посреди небольшого, в десять квадратных саженей, помещения, покачиваясь с носка на пятку. На его взгляд, для торговой лавки вариант был – хуже не придумаешь, а значит, вполне для дела подходящий. Стоящий на Ольховской улице двухэтажный каменный особняк постройки прошлого века, с лепниной и колоннами, занимал какой-то государственный трест, с машинистками, делопроизводителями, бегающими по лестнице совслужащими и неподвижными счетоводами. К особняку со стороны двора примыкал небольшой одноэтажный флигель с отдельным входом и маленькими окнами, в нём при самодержавии находились хозяйственные помещения, а теперь пристройка пустовала. На полу валялись черепки и куски ткани, кругом лежала пыль, но двери и окна стояли на своих местах, обои обтрепались совсем немного, из крана на крохотной кухоньке текла вода, и даже электрическое освещение работало. Рабочие поставили мебель в комнаты прислуги, в большой зал, где раньше складывали ненужные вещи, заносили витрины и столы, уборщицу пригласили на завтра, и тогда же над фасадом собирались повесить уже изготовленную вывеску с аляповатой надписью: «Галантерейные товары. Н. Ковров».

Обошёлся флигель всего в девяносто пять рублей за месяц, но и этих денег советский трест рисковал не увидеть – галантерейщик выдал бухгалтерии вексель на целую тысячу с купонным погашением к октябрю. Ни банка, название которого красовалось на векселе, ни тем более счёта в нём не существовало, но директор треста, увидев сумму, на радостях вексель принял и велел подшить, а купон оторвал и припрятал.

Родственница из ОГПУ запаздывала. Мальцева обещала привести сюда самого Шпулю, тот «родственником» заинтересовался. Ковров заезжал к Светлане два раза, на обед. Всё это время Мальцева втолковывала Коврову подробности о коммерческом предприятии Гершина. Дела у того шли не очень, сам Гершин был личностью мелкой и жадной, такой за копейку удавится.

Светлана опоздала на полчаса, женщина быстрым шагом вошла в дверь в сопровождении двух мужчин. Гершин, невысокий пожилой мужчина, носил очки с толстыми стёклами в золотой оправе, под внушительным носом тонкой полоской чернели усики. Одевался он в тройку, с толстой золотой цепью карманных часов. В руках Гершин держал тросточку, в которой скрывался клинок. Носил он её для форса, потому что оружие не любил и пользоваться им не умел.

Второй человек с фотографии, Герман Радкевич, одевался в военную форму без знаков различий, и тоже был среднего роста, с привлекательной внешностью, которую портил уродливый шрам, шедший через всю щёку от уголка глаза до подбородка. Чем занимался Радкевич до революции, известно не было, в девятнадцатом он воевал в двадцать второй дивизии на Туркестанском фронте, и товарищ Фрунзе лично наградил его именными часами. После осады Уральска Радкевич пропал, появился в Казани три года назад, там же сел в тюрьму на четырнадцать месяцев за ограбление сберегательной кассы профсоюза, потом перебрался в Москву и прибил к Шпуле. При виде Коврова Радкевич едва заметно вздрогнул, но тотчас изобразил полное спокойствие.

– Какой тут беспорядок, Николая! – Мальцева приподнялась на цыпочки, чмокнула Коврова в щёку. – Когда же ты наконец откроешься? Позволь представить тебе товарищей Радкевича и Гершина.

– Вот-вот, дорогая, на днях, – Николай широко улыбнулся, протянул руку сначала военному, а потом нэпману. – Рад встрече. Чем обязан?

– Приглядываемся, – Гершин прошёлся по комнате, вороша тросточкой мусор, – у нас, знаете ли, есть кое-какой товар, а вы, товарищ Ковров, пользуетесь определённой репутацией.

Светлана Ильинична вас рекомендовала, сказала, мол, Николай Павлович – человек здесь новый, а значит, среди московских коммерсантов затеряться может. И неплохо бы помочь.

– Всегда рад, – Ковров слегка поклонился, – но здесь о делах говорить неудобно, сами видите, беспорядок, и людишки шастают. Позвольте угостить вас, только заведений здешних почти не знаю, живу пока что в «Пассаже». Подскажете?

Радкевич как стоял столбом, надменно глядя вокруг, так и слова не сказал. Шпуля понимающе кивнул.

– В девять вечера в театре Тиволи, – слащаво улыбнулся он. – Светлану Ильиничну беспокоить не будем, а вы приходите, отсюда недалеко, на Оленьем валу. Хороший выбор, товарищ Ковров, место спокойное и непримечательное. Думаю, мы с вами поладим.

Ковров выпроводил гостей, стёр улыбку со своего лица. По фотографии сразу не вспомнил, слишком размытая была, а как живьём увидел – понял, что Радкевича он встречал раньше, при штабе то ли Преображенского, то ли Литовского полка в Петербурге во время войны, и звали этого господина совсем по-другому. То ли Азарин, то ли Розанов. Так бывало, вертится на языке, стараешься, вспоминаешь, и всё без толку, а потом само на ум приходит. И Радкевич его, Коврова, тоже узнал. О своих наблюдениях барон докладывать ОГПУ не собирался, каждый, по его мнению, должен был делать свою работу и не лезть в чужую.

* * *

В утро среды гараж встретил Травина привычным гулом, стуком и скрежетом. Молодой человек загнал машину в ремонтную зону, вылез с водительского сиденья и потянулся – во французском авто спина сильно затекала, штееровские экипажи Автопромторга в этом отношении были гораздо удобнее.

– Давно ждёшь, Семён? – Сергей похлопал по плечу сменщика.

Пыжиков поглядел на карманные часы, пробормотал, мол, горбатого могила исправит, взял предложенную папиросу и закурил.

– Вот что ты за человек? – сказал он, затянувшись. – Неужели трудно ко времени приехать?

– Клиент жирный попался, вечером отвёз его со службы домой, а утром забрал ко времени, – выдал чистую правду Травин, – на чай дал два целковых, не пожмотничал.

Семён досадливо скривился. Впрочем, почти сразу лицо его разгладилось, и даже улыбка напозла. Потому что рядом появилась Серафима Олейник. Но не появление девушки его обрадовало, а то, что она сказала. Что вызывают Травина в милицию, в тридцатое отделение, к субинспектору Панову. Пыжиков подумал, что не важно, замешан Травин в каком-то преступлении или нет, подозрения будет достаточно, чтобы шофёра с позором уволили из гаража. Вот тут-то уголки губ поползли вверх.

– Ты что натворил? – Сима строго смотрела на молодого человека.

Травин развёл руками.

– Знать не знаю, первый раз о таком слышу. Прямо сейчас пойду и выясню, может, подвиг совершил случайно, медаль дадут или грамоту.

– Эх, Серёжа, – машинистка укоризненно покачала головой, – вон какой вымахал, а всё как мальчишка. Когда уже за ум возьмёшься.

– Без твоей помощи, Симочка, – Сергей шутиливо приобнял её за талию, легонько прижал к себе, – никогда. Ну и без твоей помощи, Пыжиков, хочешь обниму тебя по-братски и поцелую?

Пыжиков сплюнул, выбросил окурок и пошёл к кладовщикам. Настроение снова рухнуло вниз. Травин проводил его взглядом.

– Если завтра не вернусь, – с серьёзным видом сказал он, – значит, в острог замели, демоны. Но ты не беспокойся, я оттуда выберусь к воскресенью, и мы обязательно сходим на ваш пляж.

Сима покраснела. Пляж, о котором говорил Сергей, находился возле Кремля рядом с Большим Каменным мостом, прямо за Москворецкими шлюзами. Его облюбовали представители общества «Долой стыд», они загорали и купались голышом, одновременно устраивая лекции о пользе обнажённого тела. Женщина отдыхала там несколько раз, особого смущения от собственной и чужой наготы она не испытывала, но вот Травина немного стеснялась.

– Лучше в Сокольники на Олений, или просто погуляем по парку.

Сергей кивнул, он сам не горел желанием купаться в Москва-реке – в воду сливались стоки прачечных, фабрик и красилен, отчего она была мутной и неприятно пахла. В противоположность ей, Оленьи пруды ещё не загадили, и отдохнуть там можно было не только валяясь на траве.

– Сговорились.

Он чмокнул Симу в щёку и отправился в милицию, благо на велосипеде от гаража до пожарной каланчи было минут пять езды, с учётом завтрака максимум полчаса. Сергей не торопился, рассудив, что отдаться в руки правосудия он всегда успеет, а вот поесть шанс может и не выпасть.

Племянница Пилявского пришла аккуратно к началу рабочего дня, а у Панова он начинался в половине восьмого. Елена Кольцова была дочерью брата Льва Пилявского, Станислава, умершего в двадцать первом, училась в Московском университете на факультете советского права и дурацких вопросов не задавала. Наоборот, рассказала всё чётко и по делу.

Её дядя преподавал по классу скрипки в музыкальной школе сестёр Гнесиных, которое ныне называлось Третьим показательным государственным музыкальным техникумом, а в свободное время давал частные уроки. В январе двадцать второго года дом, где квартировал Пилявский, уплотнили, а его самого переселили в комнаты старого жилфонда в Сокольниках. По словам Елены, Лев Иосифович был человеком прижимистым, деньгами не разбрасывался и имел кое-какие сбережения. Большую их часть он хранил в страховой кассе, а остальное, на неотложные расходы, дома в бумажных червонцах, приблизительно рублей триста. Кольцова знала сумму, потому что он выдавал ей каждую неделю по десять рублей, доставая из ящика стола несколько десятков бумажек и тщательно их пересчитывая.

Кроме денег, пропала серебряная шкатулка с золотой инкрустацией, принадлежавшая раньше её деду, серебряная солонка с позолотой и серебряные же ложки, все вещи – с фамильным гербом. Елена заранее нарисовала на листе бумаги ложку и солонку в виде слона, герб был похож на ключ, вертикальную линию пересекали две горизонтальные, и ещё одна линия отходила вправо вниз.

– На синем фоне, там эмаль, она в некоторых местах облупилась, – добавила девушка. – А шкатулка вот такая.

И положила фотографию, на которой рядом с изразцовым камином, над которым висел щит с гербом, стояли два человека – покойный Пилявский, такой же узнаваемо грузный, и худощавый моложавый мужчина среднего роста с усиками и в пенсне. Между ними стояла коробочка, на карточке видимая плохо, но Кольцова и тут постаралась – достала из сумочки ещё один лист бумаги, где эта шкатулка изображена была крупно, в натуральную величину и в цвете. Витые ножки поддерживали прямоугольное основание, в боковые грани были вделаны монеты, а на крышке, увенчанной крохотной фигуркой ангела, девушка изобразила золотые чешуйки размером с ноготь, складывающиеся в цветочный орнамент. По мнению Панова, у Елены Станиславовны определённо был талант.

Но вот в главном Кольцова помочь не могла, об учениках Пилявского она имела смутное представление и ни о каком сыне работника Наркомпроса не слыхала. И вообще, последний раз видела дядю в конце июня, и то, считай, на бегу.

Панов карточку и рисунки забрал, получил от машинистки три экземпляра протокола допроса, отпечатанные через копирку, дал девушке на них расписаться и отпустил. Если Кольцова что-то и скрывала, то делала это умело, так, что не подкопаешься.

Лена вышла из кабинета субинспектора, уселась на скамью и прижала платок к глазам. В комнате она крепилась, чтобы не расплакаться, даже уняла дрожь в руках усилием воли, когда ей показали фотографии убитого дяди Лёвы, но теперь её словно прорвало, слёзы текли ручьями, плечи тряслись, она шмыгала носом и почти ничего не замечала из происходящего вокруг. Когда на плечо ей опустилась рука, Кольцова вздрогнула.

– Вас кто-то обидел? – послышался мужской голос.

Лена отняла платок от покрасневших глаз, из-за слёз видела она нечётко, но говорившего кое-как разглядела. Высокий, с широкими плечами, открытым простым лицом и русыми волосами. Молодой человек ей понравился, и от этого Кольцова разозлилась. Мало того, что сейчас она выглядела не лучшим образом, так ещё и на мужиков засматривалась в отделении милиции.

– Уберите руки, – твёрдым голосом сказала она, – мне ваше участие не нужно.

– Как скажете, – молодой человек пожал плечами, встал, отошёл к стене.

Кольцова где-то в глубине души понадеялась, что он передумает, и будет более настойчивым, но незнакомец стоял, даже не глядя на неё. От этого она ещё больше разозлилась, поднялась, сжала губы и, стараясь держать спину прямо, пошла к выходу. Стоило выйти на улицу, ситуация показалась ей смешной. Все чувства, и вспыхнувшая злость, и симпатия к незнакомому человеку, и собственные слёзы по дяде, которого она и не любила особо, были лишними. Лена хотела было вернуться и извиниться, но времени было в обрез, профессор Вышинский очень не любил, когда опаздывали на его лекции. Девушка перебежала Русаковскую улицу и запрыгнула в удачно подошедший трамвай.

* * *

Сергей, выйдя из гаража коммунхоза, не торопился. Он заехал в чайную на углу Русаковской и Грязной, приставил велосипед к столбу, поддерживающему навес, уселся за столик, сделал заказ и раскрыл газету «Красный спорт». До лета прошлого года так назывался журнал на тридцать шесть страниц, и стоил он полтинник, теперь объём сократили в четыре раза, журнал превратили в газету, соответственно и цена уменьшилась до пятиалтынного. Травин прочитал короткую статью о футбольном матче «Ленинград – Москва», где отличился новичок Пчеликов из Коломны, посмеялся над заметкой о хороводном спорте и долистал до велоновостей. Год назад три советских студента, Фрейберг, Князев и Жорж Плещ, отправились в кругосветку на велосипедах с планами преодолеть пятьдесят пять тысяч километров за два с половиной года. Студенты собирались жить чтением лекций и докладов, а также публикацией фотоснимков, с тех пор вести о них печатались нерегулярно. Но, что удивительно, до сих пор они были живы и бодро продвигались по миру, в настоящее время пересекая Европу с севера на юг.

Наконец завтрак был съеден, а газета изучена от корки до корки. Тридцатое отделение милиции встретило Сергея дежурным милиционером на входе.

– К субинспектору угро Панину, – сказал он.

– К Панову, наверное, – милиционер добродушно усмехнулся, видимо, фамилию часто путали. – Наум Миронович дальше по коридору сидят, кабинет пятнадцать. А вам назначено, товарищ?

Товарищу было назначено, милиционер сверился с потрёпанным гроссбухом, отыскал фамилию Травина и поставил возле неё крестик. Рядом с указанным кабинетом на скамье сидела девушка и плакала. Сергей присел на корточки, попытался её успокоить, но, похоже, незнакомка и сама отлично справилась со своими эмоциями. Черноволосая, с яркими синими глазами, высокими скулами и решительным подбородком, она гневно посмотрела на Травина. Девушка чуть косила, а когда говорила, поджимала верхнюю губу, и шрамик над ней забавно двигался. Молодой человек отошёл и отвернулся, скрывая улыбку, он и вправду полез не в своё дело, и за это получил.

– Заходите, – послышался голос из кабинета, стоило ему постучать.

За столом сидел одутловатый пожилой мужчина с усами щёткой и двойным подбородком. Он хлебал чай из стакана в подстаканнике, с чайной ложкой, рядом стояло блюдо с печеньем и полная окурков пепельница.

– Субинспектор Панов, – представился он. – А вы, видимо, Травин Сергей Олегович? Не волнуйтесь, гражданин, ничего общественно опасного вы пока не совершили, мы вас только опросим в отношении гражданина Пилявского. Так, Майя Михайловна? Мы с Сергеем Олеговичем побеседуем, а как перейдём к сути дела, я вам скажу.

Машинистка кивнула, чуть прокрутила лист бумаги и резко дёрнула кареткой пишущей машинки. «Ремингтон» решительно звякнул, означая начало допроса. Панов вскользь поинтересовался дореволюционным прошлым Травина и его учёбой, потом расспрашивал о Карельском фронте, контузии и психиатрической лечебнице. Сергею скрывать было нечего, свою вымышленную частично биографию он много раз повторял и врачам, и другим заинтересованным лицам, наградной значок висел на рубашке, подтверждая его слова – Травин носил его в кармане на всякий случай и всегда надевал, когда приходилось общаться с представителями власти, настрой разговора сразу становился легче и позитивнее. Но в этот раз знак отличия не сработал, субинспектор недоверчиво поджимал губы, хлебал чай из безмерного стакана, что-то помечал карандашом на листе бумаги, кроша туда же печенье, и наконец перешёл к делу.

– Так значит, не знаете гражданина Пилявского Льва Иосифовича? – он сделал знак машинистке, та стукнула по клавишам.

– Нет, – Сергей спокойно сидел на неудобном стуле. – Хозяйка комнаты, которую я снимаю, служила у него прислугой, но лично этого товарища я не встречал. Да и надобности не было, я музыкой не увлекаюсь, в чужие дела не лезу.

– И где были в среду, шестнадцатого июля, начиная с полудня, расскажете?

– Конечно. Часов до трёх я отсыпался, потому что в ночную смену до этого работал, вот как сегодня, потом пообедал, могу адрес заведения назвать, погулял и к восьми вечера был на товарной станции Николаевской дороги.

– Уезжали куда-то? – участливо спросил Панов.

– Нет, я там подрабатываю грузчиком, в свободное время. Если надо, и свидетелей перечислю.

Субинспектор кивнул. Травин продиктовал машинистке адрес столовой Нарпита, имена бригадира, конторщика, который с ними рассчитывался, и даже номер поезда сказал.

– И много платят? – поинтересовался собеседник.

– Это как попадёт. Если мелкий предмет, что даже дама поднимет, то по рублю на рыло за полночи, желающих много сейчас. Ну а если мешки тяжёлые, зерно там или бакалейный товар, что не каждый поднимет, то и по три целковых выходит, а то и пять, и покормят бесплатно.

– Хорошо, – субинспектор выложил на стол два листа бумаги, пододвинул молодому человеку. – Вот из этого узнаете что-то?

Сергей взял листочки – на первом была нарисована шкатулка с ангелочком и монетами, хорошо нарисована, словно настоящая. А на второй солонка в виде слона, стоящего на панцире черепахи, и ложечка серая с синей эмалью на ручке, с выдавленным гербом. От Панова не

ускользнуло, что Травин задержался на ней взглядом, он было занёс над своими записями карандаш, чтобы сделать пометку, но Сергей его опередил.

– Вот эту ложку узнаю, – сказал он.

– А ну-ка, – оживился работник органов, – где видели?

– Так у хозяйки моей, Пахомовой Анны Степановны. Ложки Пилявскому принадлежат, она их домой чистить брала два раза. Первый раз начала, так эмаль испортила, серебро – металл нежный, просто так не поправишь, а уже во второй раз я сам почистил, потому и помню хорошо. Двенадцать штук их было.

– У Пахомовой, значит? А шкатулку?

– Нет, не приходилось.

– Хорошо, гражданин Травин, вы в коридоре подождите, Майя Михайловна вам протокол вынесет, распишетесь, и свободны. Если вопросы ещё и будут, то уже у следователя Введенского.

Глава 5

Выйдя на улицу, Сергей кинул гривенник беспризорному с обувным ящиком, который присматривал за велосипедом в отсутствие хозяина, забрался на седло и закрутил педали. Итальянский велосипед шёл мягко, без рывков, не чета дуксовским или харьковским, но и обслуживания требовал регулярного. Травин купил его год назад в кредит в Автопромторге за сто тридцать рублей и до сих пор жалел, что не взял два. До дома от пожарной каланчи было рукой подать, по 2-й Сокольничьей, а там мимо казарм и Владимирской больницы. Прохладный ветер норовил залезть под рубаху, лужи взрывались радужными каплями, яблони во дворах были усыпаны наливающимися плодами, красноармейцы на плацу маршировали, подбадривая себя революционным маршем. Пахомова хлопотала на кухне, при виде Травина сделала страдальческое лицо.

– Митрий совсем плох, – сказала она, – доктор приходил, уж и не знает, сколько осталось, попа бы позвать, да он денег запросит. Ты его не беспокой сейчас, Семён Петрович укол сделал, спит.

Сергей вздохнул, достал кошелек, выложил на стол пять рублей. Потом добавил ещё столько же.

– Вот спасибо, Серёженька, – Нюра быстрым движением смахнула бумажки себе в передник, – что бы мы без тебя делали.

– Я сейчас в милиции был, – сказал Травин как бы между делом.

– И что ты там забыл, соколик?

– О Пилявском расспрашивали, ну который помер. Ты вот скажи, куда ложки делись? – молодой человек подошёл к Пахомовой поближе.

Та аж перекрестилась.

– Какие ложки?

– Те, что ты у покойника вынесла.

– Бог с тобой, Серёжа, ничего я не брала, – Пахомова бочком отошла к окну, к трём огромным тазам, в которых было замочено бельё.

– Может, и не брала, только в милиции мне их показывали, сказали, что пропал набор, а вещи приметные, с рисунком. Моё дело – сторона, но, если кто прознает, повесят на этого человека не кражу, а убийство. Небось растрепала уже кому-нибудь? Скупщику носила?

– Издали показала, так хорошую цену не дал, жид проклятый, по весу хотел забрать, а там всего по целковому за штуку выходит. Что же делать? – Нюра горестно вздохнула, подставила табуретку, открыла дверцу верхнего ящика и достала свёрток. – Может, сказать, что Лев Иосифович сам мне их отдал?

Травин смотрел на неё, но ничего не говорил.

– Почистить велел, – Пахомова поправилась.

– Уже лучше, так и говори, если спросят. Ты, тётя Нюра, жадность поумень, сама посуди, серебро сейчас дешёвое, цена им в лучшем случае два червонца, а проблем наживёшь гораздо больше, чем они стоят. Тут два варианта есть, или ты их в милицию сдаёшь, или родственникам этого Пилявского. Остался кто у него?

– Ох и правда, Серёжа, бес попутал, – женщина развернула свёрток, ложки тускло блеснули, – племянница у него была, ей подкинуть можно.

– А шкатулка и солонка? Мне ещё шкатулку показали с монетами и солонку с перламутром.

– Вот этого не было, вот те крест, только ложки взяла, он-то там мёртвый валялся, я и прибралась на кухне чуток. А потом ночь после заснуть не могла, приснился мне он, манил рукой, пришлось поутру в церковь бежать. Так сам он виноват, помер, а кто мне платить будет?

Пока новых хозяев найдёшь, время-то идёт, вот я и подумала, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Ты уж устрой, Серёженька, чтобы никакие следователи сюда не шастали. Я баба тёмная, а ты вон какой смыслённый, заberi их с глаз долой, а адресок я тебе напишу. Или, может, в дом к Льву Иосифовичу подкинуть?

– Нет, в дом не получится, там уже обыски были.

При слове «обыск» Пахомова слегка побледнела и со вздохом подвинула свёрток Травину.

– Хорошо, побудут пока у меня, – сказал тот, – на днях занесу, скажи только, куда и кому.

* * *

В 1885 году на Оленьем валу по заказу купца Овчинникова архитектор Ушаков построил одноэтажный кирпичный корпус ювелирной фабрики. Через шесть лет фабрика переехала по другому адресу, а пустующее помещение вскоре переоборудовали под ресторан. Дела в заведении шли так себе, но перед войной помещение расширили за счёт пристроек, левую часть надстроили вторым этажом, а со стороны главного фасада сделали три входа, два из которых выделили козырьками и пилястрами. Появилась новая вывеска – «Ресторан-варьете „Тиволи“».

«Тиволи» имел бешеный успех, внизу, за столиками, сидели ведущие артисты московских театров, ложи облюбовала городская знать, присматривавшая себе содержанок из танцовщиц, а Иосиф Ермолев, один из первых российских режиссёров, снимал в ресторане свои фильмы.

Революция на время разогнала публику, превратив ресторацию в площадку для коммунистических собраний, в двадцатом здесь даже выступал Ленин, но, когда новая экономическая политика набрала обороты, «Тиволи» передали в аренду коммерсантам, и всё вернулось – и полуголые танцовщицы, и шампанское рекой, и новая знать. На кругу стояли рысаки с повозками, поджидая богатых клиентов, и те не скупились, брали самое лучшее.

Ковров подъехал к зданию варьете на извозчике и торопливо забежал в подъезд. Моросил мелкий дождь, в лужах отражались электрические фонари и яркая вывеска, швейцар в ливрее и с красным бантом на груди распахнул дверь, кланяясь клиенту. Николай кинул ему серебряный рубль, отдал гардеробщику плащ и прошёл в залу.

– Нижние столики все заняты, товарищ, – подскочил к нему метрдотель, – прошу, в бельэтаже есть несколько свободных мест.

– Меня тут, братец, ждёт господин Гершин. Я – Ковров.

На лицо метрдотеля напозла слащавая улыбка.

– Как же, Борис Михайлович предупреждали-с, только они наверху, вниз не спускаются. Эй, ты, проводи уважаемого товарища в пятую ложу.

Проходивший мимо официант кивнул и направился к лестнице, краем глаза следя, чтобы гость не отстал. Они поднялись на второй этаж, от лестничной площадки начинался коридор, шедший полукругом, с дверьми, ведущими в ложи. Рядом с дверью, на которой висела бронзовая цифра «5», официант остановился, поклонился, получил рубль и отправился обратно.

– Это ж сколько мелочи с собой таскать приходится, – вздохнул Ковров и распахнул дверь.

В небольшом помещении открытый проём выходил в сторону сцены, на которой под аккомпанемент скрипки и фортепьяно какой-то человек с лицом, измазанным белой краской, пел высоким неестественным голосом. Перед проёмом стоял столик на шесть персон, уставленный бутылками и закусками, за ним сидели Шпуля и Радкевич.

– Прошу, милостивый государь, – Гершин показал Коврову на свободный стул, – не стесняйтесь, всё оплачено, так сказать. У нас здесь по-простому, угощайтесь.

Николай не заставил себя ждать, уселся, налил вина. Повисло молчание, Шпуля смотрел на сцену через пенсне, Радкевич ожесточённо расправлялся с куском окорока, отрезая большие куски. Ковров есть не хотел, тем не менее он положил на тарелку тарталетку с икрой, подметил, что у бывшего офицера бокал наполнен сельтерской, хотя выглядел Радкевич так, словно выпил. Белолицый на сцене наконец прекратил завывать, раскланялся, сорвав овации, и ушёл. Заиграл канкан, из-за кулис выпорхнули женщины в чулках с подвязками и голой грудью, затрясли ногами, Радкевич оживился, отвлёкся от еды.

– Хороши, – сказал он. – Не желаете, господин Ковров?

– Такого добра рядом с «Пассажем» пруд пруди, – Николай наконец положил тарталетку в рот, прожевал, белужья икра была свежей и в меру солёной, тесто песочным и пресным, – и куда здоровее прежних. При большевиках гигиена поднялась на новую высоту, хоть в чём-то они преуспели.

– И не говорите, – поддержал Гершин, – тут не отнимешь, больницы открыты для трудящихся масс. Кстати о них, точнее, о вас. Надолго в Москве решили осесть?

– На год, – не раздумывая ответил Ковров. – Помещение оплатил, на обустройство потрагился, у здешней милиции пока что претензий ко мне нет, а в Петрограде примелькался, интерес ненужный возник. Я с тонким товаром работаю, он доверия между покупателем и продавцом требует, а его, кроме посредника, никто обеспечить не может. Главное – репутация.

– Отлично сказано, – Гершин налил себе ещё вина, выпил залпом. – Ещё год назад здешние оценщики нарасхват были, но сейчас к ним доверие упало. Кого-то замели по пустяку, а есть которые стучат, к ним только если случайный человек придёт.

– Мои расценки простые. Если товар обычный, ходовой, то два процента беру за осмотр и удостоверение, с картинами и гобеленами сам не работаю – слишком много фальшивок, специалистов со стороны привлекаю, из галереи Третьякова, к примеру. Ну а если вещички действительно ценные, которые в аукцион не понесёшь, то тут уж зависит от того, с кем сговорюсь. Лучше с покупателем, у кого деньги, тот и музыку заказывает. Если у вас сомнения есть, могу нескольких в Харькове и Петрограде назвать, они подтвердят, что работаю я честно, интерес клиента выше своего ставлю.

– Спросили уже, – сказал Радкевич, – иначе не встречались бы.

– Тогда, господа, за чем дело встало? Пустые разговоры – дело хорошее, на баб голых поглазеть, вина выпить завсегда готов, но денег на этом не заработаешь. Сегодня отдохнём, а потом и к делу перейти надобно.

– Пойду освежусь, – Гершин поднялся, чуть покачнулся, – а как вернусь, обо всём сговоримся.

Он вышел, тяжёлая дверь на секунду впустила из коридора женский визг и хохот. Радкевич отпил воды, побарабанил пальцами по столу.

– Значит, Ковров? – спросил он.

– Как есть, – Николай слегка поклонился.

– Ты мне арапа не гони, – Радкевич опёрся ладонями на стол, – помню по шестнадцатому году, в штабе Литовского полка в Гатчине банчик метали. Был там один фраер фартовый, вроде лопух лопухом, а всё себе сгребал, как звали только, позабыл, но портрет твой прямо один в один.

– Везение – штука переменчивая, господин Азалов, если не ошибаюсь? Шрама тогда у вас не было, но на лица у меня тоже отличная память. Имя своё я напому, Гизингер Николай Леопольдович, – Ковров чуть приподнялся, – только оно в прошлом осталось, полагаю, шантажировать этим меня не будете? А то ведь это процесс обоюдный, у всех у нас грешки перед новой властью имеются. И если захотите спросить, чего это я из Советской России не сбежал, так наперёд отвечу – мне и здесь неплохо живётся.

– Ладно, – Азалов-Радкевич слегка расслабился, – ты уж извини, я привык за эти годы простому, без расшаркиваний, предупредить сразу хочу, если в какой организации из бывших состоишь, меня агитировать не надо.

– И не подумаю, сам эти компании стороной обхожу. Нас, Герман, большевики пока что терпят, волю дали деньги заработать, но тех, кто в политику полез, уничтожат, и глазом не моргнут. Новая власть всегда на костях старой строится. Поэтому лучше займёмся, как говорят в Североамериканских Штатах, бизнесом, а о прошлом вспоминать не станем. Скажи, из нашего разговора толк какой будет? А то кузина мне наобещала, что вы люди серьёзные и с возможностями, но она женщина возвышенная, мало чего в голове придумает.

– Торговыми делами у нас Шпуля ведает, ты ему вроде приглянулся, почует гешефт – будет у вас бизнес, моё дело маленькое, проследить и предупредить. Но сегодня только приглядываемся. Будешь?

Он достал из кармана крохотную металлическую фляжку, насыпал на серебряную тарелку белый порошок, протянул Коврову блестящую трубочку. Тот отделил небольшую часть, втянул в нос, вернул трубочку Радкевичу.

– Завтра сам подойду к обеду, – сказал тот, делая себе порцию раза в три больше, – есть у меня одна вещица, посмотришь, скажешь, что она собой представляет.

* * *

Радкевич не обманул, появился в почти обустроенном магазине на следующий день в два часа. Старенький «студебеккер» подкатил ко входу, бывший офицер вылез с заднего дивана, вместе с ним из салона авто бодро выскочили два крепыша в кожаных куртках, они, в отличие от Радкевича, далеко проходить не стали, заняли позиции у входа. Ковров как раз показывал новенькой продавщице пришедший товар – перчатки и шляпки. Продавщицу прислала Мальцева, ей Николай доложил с утра о встрече, но про то, что он и бывший офицер друг друга узнали, рассказывать не стал. Мальцева была недовольна, посчитала, что Ковров уж больно сильно на Шпулю и его компаньона давит, и приказала дальше на рожон не лезть.

– Разложи перчатки по витринам, и как уборщица придёт, пусть хорошенько всё почистит, чтобы блестело, – распорядился Николай, – а мы с товарищем пока побеседуем. Прошу, товарищ Радкевич, ко мне.

За стенкой из комнаты прислуги Ковров оборудовал себе гостиную, двери из небольшого общего зала вели в подсобку и ванную, по центру стены стоял массивный шкаф с вензелями, купленный за двадцать пять рублей у треста, дубовый круглый стол расположился под зелёным абажуром с электрической лампочкой. Стол был застелен бильярдным сукном, на нём даже следы мела сохранились, вокруг расставили стулья с гнутыми ножками, сиденьями из гобелена и резьбой. Радкевич одобрительно хмыкнул, уселся за стол, положил на сукно свёрток, развернул.

– Занимательная вещица, – Ковров повертел тяжёлую шкатулку в руках, достал из кармана окуляр, вставил в глаз, – ага, вот. Видишь клеймо, корабельный якорь? Ювелирная фирма Мальцей из Варшавы, по датировкам монет – где-то восемьсот тридцать пятый год. Семейная реликвия?

– Друга моего покойного, – собеседник качнул головой, – всё, что осталось от него. Как думаешь, цена какая ей?

Ковров откинул крышку, внутренности шкатулки блеснули золотом.

– Снаружи, – сказал он, – монеты вставлены нарочито мелкие, подчёркивается, что настоящая ценность сокрыта внутри. Ангел, если не ошибусь, наверху из золочёной бронзы, орнамент и ножки – тоже. Герб Пилава, с подобным польских родов множество, знавал я графа Потоцкого, так у него такой же был, только с подковой понижу, ну да тебе лучше известно,

какая у друга фамилия. Больше сорока червонцев за неё не выручить, и то если на ценителя попадёшь – мастер хороший, но из средних, к весу металла столько же прибавляется. Это, увы, не Фаберже.

– Мне Станислав говорил, с потайным отделением она, – Радкевич наклонился поближе, – вот только как открыть, не знаю, ножки вертятся в разные стороны, а ничего не происходит. Выламывать жалко.

– Раз вертятся, значит, хитрость есть, – Николай закрыл крышку, подвигал ножки, прислушиваясь, – Карл Филипп Мальц родился в 1797-м, все его шкатулки с секретом открываются одинаково. Первая цифра – левая передняя ножка, один щелчок по часовой стрелке, потом дальняя левая, семь щелчков против, и так доходим до последней, поворачиваем ангела так, чтобы от тебя смотрел. Главный секрет, крышку, пока набираешь код, трогать нельзя. Вуаля!

Он снова открыл шкатулку и потянул золотую коробочку на себя. Та легко пошла вверх, открывая потайное отделение, в котором лежал исчерканный карандашом лист писчей бумаги. Антиквар продемонстрировал закладку собеседнику, Радкевич стремительно схватил лист, развернул, быстро проглядел, потом спрятал в карман.

– А ещё секреты у этой вещицы есть?

– Как не быть.

Ковров тяжёлую золотую вкладку вернул на место, поставил ножки в исходное положение, а потом завертел их в обратную сторону, с последним щелчком монета на боковой стенке отвалилась, в углублении лежала матово блестящая игральная кость, которая вывалилась на стол, но упасть на сукно не успела, Радкевич её ловко поймал и в карман спрятал.

– На этом всё, – Николай аккуратно вставил монету обратно, вдавив большими пальцами.

– Значит, сорок червонцев? – сказал гость. – Нет, пожалуй, себе оставлю, как память. Слишком дёшево за дружбу, так ведь?

– Как скажешь, – согласился Ковров, – а что по нашему делу?

– Первый товар через неделю привезут, надо будет посмотреть, что ценность имеет, – Радкевич поднялся, – а что и даром не нужно. За день-два предупрежу, чтобы окончательно всё обговорить, до тех пор беспокоить не буду.

Ковров проводил бывшего офицера, проследил, чтобы товар на витринах лежал ровно и со смыслом, кожаные изделия там, где темнее, те, что со стекляшками – рядом с окнами, вернулся в комнату. Достал из рукава лист бумаги, развернул и погрузился в чтение. Потом взял блокнот, аккуратно переписал то, что было написано на листке, достал ступку, остывший уголёк из печи, тщательно его размял в порошок, посыпал на бумагу с обратной, неисписанной стороны и аккуратно сдул. На почти гладкой поверхности проступили контуры рисунка, его он тоже перенёс в блокнот, лист бумаги убрал в комод, а блокнот засунул в карман.

– Не знаешь, где клад отыщешь, – сказал он сам себе и отправился обедать.

Глава 6

Племянница Пилявского жила в бывшем доходном доме Анны Егоровны Альберт. Травин сверился с адресом – Варсонофьевский переулок, дом номер 4, поискал глазами нужную дверь. Прохожие сновали туда-сюда, погружённые в собственные проблемы и мысли, в конце улицы собрались беспризорники, они играли в биток, и особой надежды на то, что оставленный внизу велосипед дождётся хозяина, не было. Сергей вздохнул, взвалил железного коня на плечо, зашёл во второй подъезд. В просторном вестибюле нижнего этажа, возле лестницы, на табурете сидел милиционер, мужчина лет сорока с шикарными фельдфебельскими усами.

– Вам кого, гражданин? – спросил он.

– Кольцова Елена Станиславовна, – прочитал по бумажке Сергей. – Сказали, здесь живёт.

– Кольцовы, – милиционер задумался, – нет, не слышал. Может, ошиблись вы?

– Тринадцатая квартира.

– Так это ж Лацисов, третий этаж, а Кольцова верно племянница ихняя, девчушка молодая, шастает здесь, – обрадовался страж порядка. – Так вы ей кем приходитесь?

– Я работник таксомоторного гаража, – Травин встал так, чтобы значок честного воина Карельского фронта был хорошо виден, – забыла, понимаешь, в машине вещи свои, растеряла, вот и поручили мне отдать. Еле нашёл, хорошо, открытка там с обратным адресом. Так я оставляю свой самокат здесь?

Милиционер важно кивнул, Сергей прислонил велосипед к стене и поднялся на третий этаж по широкой гранитной лестнице. Дверь с бронзовыми цифрами 1 и 3 находилась справа, на стене тускло блестела кнопка электрического звонка. Ждать пришлось недолго, тяжёлая створка приоткрылась, и в образовавшуюся щель высунулась растрёпанная женская голова.

– Я к Кольцовой, – не дожидаясь вопроса, сказал Травин.

– К Леночке? Вытирайте ноги и проходите, – распорядилась женщина, – только они ужинают.

– Ничего, я подожду.

Молодой человек зашёл в большую прихожую, где стояли высокий красного дерева комод и вешалка, на которой висела шинель. На полу лежал восточный ковёр, с картины на стене на Травина грустно смотрела пухлая полуголая дама.

– Глаша, кто пришёл? – раздался густой мужской голос откуда-то из глубины квартиры.

– К Лене, Генрих Янович, – закричала женщина, – молодой человек.

Там же, откуда исходил голос Генриха Яновича, раздалась перебранка, два женских голоса спорили, стоит ли Лене выходить, или она должна сначала доесть десерт и продемонстрировать женскую гордость, но любопытство и молодость победили, в коридоре показалась Кольцова.

Сергей сразу узнал девушку, которую недавно видел в тридцатом отделении, и девушка тоже его узнала, судя по тому, как широко распахнула глаза.

– Вы, – сказала она.

– Я, – Травин кивнул.

– Вы меня преследуете? – Кольцова хотела было вспылить, но съеденный ужин давил на диафрагму, не давая ярости хорошенько разгореться, она упёрлась в Травина руками, вытала кивая за дверь. – Кто вы такой? Тётя Яна, сидите, я разберусь сама. А ну-ка, товарищ, стойте здесь. И имейте в виду, внизу дежурит милиционер, одно моё слово, и он вас арестует.

– Не сможет, – Сергей прислонился к перилам.

– Почему это? – слегка оторопела Лена.

– Он за моим велосипедом приглядывает, и вообще хороший человек.

Снизу послышалось покашливание, Кольцова невольно улыбнулась.

– Ладно, – сказала она, – вы меня выследили, что дальше?

– Вот, – Травин протянул ей свёрток.

Лена развернула ткань, уставилась на ложечки.

– Анна Пахомова, бывшая прислуга вашего дяди, брала чистить, а как его убили, милиции сказать побоялась, подумала, что в краже обвинят. Адрес она ваш знает, попросила меня найти и отдать, это ведь вам теперь принадлежит?

– Ну да, – растерялась девушка, – так вы меня не преследовали?

– Совсем немного, вы так быстро сбежали, что у меня и шансов не было. Меня зовут Сергей, я у Пахомовой комнату снимаю.

– Так вы потому в отделение приходили, что могли что-то знать? – догадалась Кольцова. – А я уж себе придумала. Вид у вас такой, товарищ Сергей, что вечером в темноте встретишь, заикаться начнёшь, да и днём тоже, вылитый преступный элемент.

– Уж какой есть, – нахмурился Травин, – извините, что побеспокоил, гражданочка.

– А вы обидчивый, – Лена хитро прищурилась, – знаете что, а пойдёмте-ка со мной. Фамилия какая ваша?

– Травин.

Кольцова потянула его за рукав обратно в квартиру и дальше по коридору. В большой комнате за круглым столом сидели двое, низенький толстый мужчина с лысиной, покрытой редкой прядью, в военной гимнастёрке, и полная высокая женщина с мощными плечами и такими же мощными стёклами очков в роговой оправе. Они ели и о чём-то разговаривали, при виде Сергея прервались.

– Познакомьтесь, – сказала Лена, положив ложечки на буфет, – это Серёжа Травин, мы с ним встречаемся. А это моя тётя, Ядвига Иосифовна, и дядя Генрих Янович. Нет, тётя, Серёжа с нами не останется, мы срочно должны идти.

– Куда это вы на ночь глядя собрались? – обладатель густого баса смотрел на гостя, как на помеху между ним и пирогом с вареньем.

– В кинотеатр, – ответил Травин за Кольцову, – на «Крест и маузер».

Афиша фильма украшала фасад Главкино, когда он проезжал на велосипеде по Тверской.

– Это хорошая картина, – неожиданно одобрила Ядвига Иосифовна, – Геня, я тебе о ней говорила давеча, её товарищ Благоднаров снял по актуальнейшим проблемам низости и ханжества религии, проблематика архисовременная. Наркомпрос Луначарский очень хвалил, сказал, мол, нужный стране фильм, не то что мелкобуржуазные поделки. Юноша, вы комсомолец?

– Нет, но готовлюсь им стать, – деликатно ответил Сергей.

Кольцова, чтобы прервать расспросы, утащила его за рукав обратно в прихожую, точнее, пыталась тащить – при такой разнице габаритов это смотрелось самонадеянно, но Травин дал себя увлечь, вновь вытолкать обратно к лестнице, и через минуту они стояли у подъезда. Племянница покойника Пилявского Сергею понравилась – стройная, с пропорционально небольшой грудью и изящной шеей, пронзительными голубыми глазами и приятным высоким голосом. Даже шрамик над пухлой верхней губой не портил вид, а наоборот, притягивал взгляд. Молодой человек прикидывал, что делать дальше, отделаться от неожиданной знакомой или всё-таки знакомство продолжить.

Но всё уже решили за него.

– На «Крест и маузер» я не пойду, – сказала Лена, – скука смертная, а вот «Багдадский вор» с Фэрбенксом для первого свидания сгодится. Ваш Боливар, товарищ Травин, двоих выдержит?

– Кто? – не понял молодой человек.

– Ну велосипед же. Ты что, О'Генри не читал?

Проснулся утром Сергей от звона будильника, хотя вставать ему так рано было незачем – весь этот день до обеда он был свободен. Кольцова откинула одеяло, потянулась и начала быстро одеваться. Спала она совершенно голой и пристального мужского взгляда не смущалась.

– На лекцию опоздаю, мне Кольцов устроит весёлую жизнь, – сказала она, натягивая блузку.

– Какой Кольцов? – не понял молодой человек.

– Пашка Кольцов, доцент, читает нам сегодня государственное право.

– Родственник твой?

– Какой там родственник, – Лена подтянула брюки, поставила ногу на стул, шнуруя ботинок, – муж.

К такому повороту событий Травин был не готов. Вечером они и вправду доехали на велосипеде до кинотеатра «Колизей», что на Чистых Прудах, но билетов на вечерний сеанс не осталось, и Лена предложила просто прогуляться по темнеющему городу. А потом, слово за слово, попросила, а точнее, потребовала показать, где Сергей живёт, и уже в комнате они быстро оказались в одной постели. Отношения развивались стремительно, муж Пашка в них никак не вписывался.

– Бывший практически, – сжалась девушка над Сергеем. – Мы с ним два года прожили и разбежались, уж больно ревнивец был, только и бубнил, с кем пошла, на кого поглядела. Одна от него польза была, родство со Станиславским, я за эти два года все спектакли в Москве пересмотрела. Если хочешь, он и нам билеты достанет, в Малый или Художественный.

– Да я больше по кино.

– Это я поняла, – Кольцова наклонилась, чмокнула Сергея в нос, – всё, побежала. Позвоню.

– Куда позвонишь?

– В гараж, плакаты-то ваши по всей Москве висят. «Такси не роскошь, а культурная необходимость, телефон два пять один пять шесть», – процитировала она. – Ты тоже не пропадай, номер наш домашний я черканула.

Она помахала бумажкой, положила на стол и выбежала из комнаты. Сергей вздохнул, накрыл голову подушкой, спасаясь от утренних солнечных лучей, и почти сразу снова уснул.

На работу он отправился в два часа, его смена начиналась только в девять вечера, но Коробейников попросил съездить за запчастями в «Дукс». Новые французские «рено» ремонта практически не требовали, а вот прокатные машины, которых в гараже было три десятка, ломались часто и с фантазией. Детали для них собирали где могли, а что не удавалось найти, заказывали через Автопромторг за золотые червонцы, так что машины эти, как мрачно шутил Коробейников, сами уже на вес золота были.

Сергей забрал в гараже грузовик «фиат», уселся за руль, на пассажирское кресло забрался кладовщик Забелин.

– Ну что, в путь, Пахом Кузьмич? – Травин выехал на Каланчёвскую улицу.

– Богом прошу, не гони, – Забелин вцепился в кресло, – вот как с Пасечником или Семаго соберусь, они аккуратно едут, чинно и благородно, а ты словно бес несёшься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.